

Юлия Марич

КУДА ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ

историческая
семейная сага

*Некоторые дороги
не заканчиваются никогда.*

Литрес

АВТОРЫ

Юлия Марич

Куда летят журавли

<https://litres.ru/74296333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно потерять родину. Можно потерять годы. Но нельзя потерять человека, которого любишь.

На фоне Первой мировой войны, революции и Гражданской войны разворачивается история одной семьи, которой предстоит пройти через разлуку, эмиграцию и надежду на встречу.

«Куда летят журавли» большой исторический роман о любви, пережившей эпоху.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Юлия Марич

Куда летят журавли

Глава 1

Роман основан на реальных исторических событиях. Все исторические личности и факты соответствуют эпохе. Часть персонажей и отдельных сюжетных линий является художественным вымыслом.

Часть 1. Девочка.

Глава 1

«Есть дороги, по которым уходят детьми».

1894 год.

Утро неторопливо входило в старый петербургский особняк, мягко разливаясь по высоким комнатам золотистым июньским светом. Солнце уже поднялось над вершинами лип, окружавших дом, и теперь его лучи, пробившись сквозь молодую листву, ложились на белые подоконники, скользили по натертому до зеркального блеска паркету и замирали на резных рамах семейных портретов, будто желая разбудить тех, кто еще продолжал спать.

Дом жил своей привычной жизнью.

Где-то в глубине первого этажа уже звенел фарфор, кухарка негромко отдавала распоряжения, дворецкий прове-

рял, все ли готово к предстоящему вечеру, а в раскрытые окна вместе с запахом нагретой солнцем травы и жасмина доносился ровный шелест сада, который старый садовник когда-то с гордостью называл лучшим во всем уезде.

Сегодня в доме ожидали гостей.

Старшей дочери хозяев исполнялось восемнадцать лет.

И только один человек, казалось, был совершенно не способен дожидаться, когда виновница торжества проснется сама.

Дверь спальни распахнулась так стремительно, что тяжелая бронзовая ручка глухо ударилась о стену.

В комнату влетела София.

Она была босиком, в длинной белой ночной рубашке, подол которой то и дело путался в ногах, а густая русая коса успела почти совсем растрепаться. Под мышкой девочка крепко прижимала старую тряпичную куклу, пережившую, казалось, не меньше приключений, чем сама хозяйка.

— Лизет! Просыпайся!

Елизавета не открыла глаз, лишь едва заметно улыбнулась.

— Сонечка... скажи мне сначала, который час?

— Уже утро.

— Это я чувствую.

— Но сегодня не просто утро.

Лизет тихо рассмеялась, по-прежнему не поднимая головы с подушки.

— И чем же оно отличается от всех остальных?

София посмотрела на сестру с таким искренним удивлением, будто вопрос показался ей совершенно нелепым.

— Сегодня тебе восемнадцать.

Она произнесла это почти шепотом, словно говорила о чем-то необыкновенном.

— Настоящие восемнадцать.

Наконец Елизавета открыла глаза.

Первым, что она увидела, было взволнованное лицо младшей сестры, склонившейся так близко, что несколько светлых прядей щекотали ей щеку.

Лизет осторожно убрала волосы с лица Софии и ласково улыбнулась.

— Неужели ты волнуешься больше меня?

— Конечно.

— Почему же?

София на мгновение задумалась.

— Потому что ты сегодня совсем взрослая.

В комнате повисла короткая тишина.

Из сада донеслось звонкое пение дрозда, ветер пробежал по верхушкам лип и слегка качнул кружевные занавески.

— И что же изменится? — спросила Елизавета.

— Все так говорят.

— Кто?

— Маменька... тетушка Мария... даже Аграфена вчера сказала, что после восемнадцати начинается совсем другая

жизнь.

Лизет села на кровати, подобрала под себя ноги, и внимательно посмотрела на сестру.

— А ты сама как думаешь?

София смущенно пожала плечами.

— Мне кажется... теперь у тебя будут балы.

Она загнула один палец.

— Потом женихи.

Второй.

— Потом ты выйдешь замуж...

Третий.

Она замолчала.

— И?..

Девочка отвела взгляд.

— И, наверное... забудешь про меня.

Елизавета не ответила сразу.

Она только протянула руки и притянула Софию к себе, крепко обняв. Та тихонько рассмеялась и уткнулась носом в плечо сестры.

— Послушай меня внимательно, Сонечка.

Девочка подняла голову.

— Что бы ни случилось в моей жизни, сколько бы мне ни было лет, куда бы ни забросила меня судьба...

Елизавета коснулась губами ее лба.

— Ты всегда останешься моей маленькой сестренкой.

София облегченно выдохнула, будто именно этих слов и

ждала.

— Правда?

— Правда.

— Даже когда у тебя будут дети?

— Даже тогда.

— И когда станешь совсем старенькой?

Лизет рассмеялась.

— Даже тогда.

София еще несколько секунд серьезно смотрела ей в глаза, а потом вдруг просияла своей широкой детской улыбкой.

— Тогда пойдем скорее вниз!

— Зачем?

— Потому что папенька с самого утра что-то прячет у себя в кабинете.

— Откуда ты знаешь?

— Случайно видела.

— Соня...

— Честное слово, случайно.

Она смущенно улыбнулась и тут же добавила:

— Ну... почти случайно.

Елизавета покачала головой, стараясь выглядеть строгой, хотя улыбку скрыть уже не могла.

Она еще не знала, что спустя много десятилетий именно это июньское утро будет возвращаться к ней чаще других.

Не первый бал.

Не блеск столичных салонов.

Не громкая музыка.

А маленькая босая девочка с растрепанной косой, ворвавшаяся в спальню, чтобы первой поздравить старшую сестру с днем рождения.

Пока Елизавета одевалась, София не умолкала ни на минуту. Она успела рассказать, что старый Федор наконец поймал рыжего кота, который уже вторую неделю таскал сливки с кухни, что кухарка испекла именинный пирог и строго-на-строго запретила даже подходить к нему до вечера, что Михаил еще затемно куда-то исчез вместе с конюхом, а дворецкий Павел Андреевич с самого утра ходит по дому с таким видом, будто ожидает приезда самого государя.

Елизавета слушала сестру вполуха, время от времени отвечая коротким «правда?» или «неужели?», пока Аграфена ловкими движениями затягивала корсет и расправляла складки светлого домашнего платья.

— Барышня, вы сегодня необыкновенно хороши, — не удержалась горничная, отступив на шаг и с нескрываемым удовольствием любясь своей работой.

Елизавета улыбнулась.

— Это потому, что вы говорите так каждой имениннице.

— Нет уж, барышня, другим говорю из вежливости, а вам от чистого сердца.

— И я так думаю, — с важным видом подтвердила София.

Спустившись по широкой дубовой лестнице, отполированной до такого блеска, что в лучах утреннего солнца она

казалась почти янтарной, сестры сразу почувствовали привычное оживление большого дома. Из распахнутых окон тянуло свежестью сада, в столовой уже звучали голоса, а во всем особняке царил тот особенный покой, который бывает лишь там, где каждый знает свое место и каждый новый день начинается так же спокойно, как предыдущий.

Михаил сидел за столом, небрежно откинувшись на спинку стула, и с самым невинным видом доедал клубничное варенье прямо из вазочки, несмотря на неодобрительные взгляды дворецкого.

— Молодой барин, если кухарка увидит вас за этим занятием, она решит, что все ее труды были напрасны, — с достоинством заметил Павел Андреевич.

— Передайте Марфе Егоровне, что я всего лишь проверяю качество продукта.

— Уже проверили.

— Наука требует повторных опытов.

В эту минуту дверь кабинета открылась, и в столовую вошел высокий мужчина в темно-синем домашнем сюртуке, на ходу снимая пенсне. Несмотря на серебрившуюся в темных волосах седину, он выглядел моложе своих лет и держался с той спокойной уверенностью человека, привыкшего принимать решения и нести за них ответственность.

Увидев дочерей, он остановился. Сосредоточенность, еще мгновение назад лежавшая на его лице, исчезла без следа, уступив место теплой улыбке, знакомой только самым близ-

ким людям. Такой улыбкой он встречал не министров, не членов Государственного совета и не генералов, а своих детей.

— Доброе утро, мои барышни.

София первой бросилась к отцу. Он, словно заранее ожидая этого, успел снять перчатки и, легко подхватив дочь на руки, закружил ее по комнате.

— С добрым утром, Сонечка.

— Папенька, вы опять работали с самого рассвета?

— Государство имеет скверную привычку просыпаться раньше своих министров.

— И что же оно хотело сегодня?

Он заговорщически понизил голос.

— Не поверишь... денег.

Михаил тихо фыркнул.

— Как и всегда.

— Именно поэтому, молодой человек, я очень надеюсь, что сегодня ты не собираешься снова проигрывать их в карты.

— Папенька...

— Что?

— Сегодня день рождения Лизет. Хотя бы сегодня не начинайте.

Отец рассмеялся негромко и тепло, как смеются люди, которым по-настоящему хорошо дома.

Подойдя к Елизавете, он несколько мгновений молча

смотрел на дочь. От этого взгляда она вдруг почувствовала себя совсем маленькой, хотя еще недавно сама убеждала Софию, что с восемнадцатым днем рождения ничего не изменится.

— Восемнадцать... — тихо произнес он, будто сам не мог поверить, как быстро пролетели годы.

Осторожно коснувшись ладонью ее щеки, он ласково улыбнулся.

— Когда ты успела вырасти, Лизет?

— Не знаю, папенька.

Он покачал головой.

— А мне кажется, еще вчера ты старательно выводила свое имя и сердилась, потому что буква «Ж» никак не хотела получаться. Для родителей дети никогда не взрослеют так быстро, как им кажется самим.

Столовая постепенно наполнялась привычным утренним шумом. Серебряные приборы негромко позвякивали о тонкий фарфор, сквозь распахнутые окна тянуло свежестью сада, а солнечные лучи, отражаясь в хрустальных графинах, рассыпались по белоснежной скатерти золотистыми бликами.

За этим столом никогда не говорили громко. Это правило существовало в доме столько лет, что уже никому не приходилось о нем напоминать, и лишь Михаилу время от времени удавалось нарушать установившийся порядок.

— Павел Андреевич, — произнес он с самым серьезным

видом, протягивая дворецкому пустую чашку, — не будете ли столь любезны сообщить кухарке, что варенье сегодня удалось особенно хорошо? Я готов выразить ей свою искреннюю благодарность... желательно вместе со второй порцией.

Дворецкий, сохранявший невозмутимость даже в самых нелепых обстоятельствах, чуть склонил голову.

— Непременно передам, Михаил Алексеевич. Думаю, Марфа Егоровна будет особенно признательна вам за столь высокую оценку ее труда.

— Вот видишь, папенька? Хотя кто-то меня понимает.

— Ошибаешься, — спокойно ответил отец, разворачивая свежую газету. — Павел Андреевич понимает не тебя. Он прекрасно знает, что через пять минут ты попросишь третью порцию.

За столом раздался дружный смех.

Михаил театрально прижал ладонь к сердцу.

— Не ожидал подобного недоверия в собственной семье.

— Недоверия? — вмешалась София. — Ты ведь вчера тоже говорил, что съешь всего одну булочку.

— И что?

— Их было шесть.

— Это были очень маленькие булочки.

— Совсем крошечные, — с самым серьезным видом подтвердила Елизавета.

Михаил беспомощно развел руками.

— Против такого союза мне не выстоять.

Отец опустил газету и с улыбкой посмотрел на детей. В такие минуты его лицо удивительно менялось: исчезала привычная строгость, сопровождавшая заседания Государственного совета и аудиенции у государя, уступая место человеку, который получал искреннее удовольствие от самого простого семейного завтрака.

— Знаете, — задумчиво произнес он, помешивая чай, — мне иногда кажется, что Господь наградил меня самым странным семейством во всей Российской империи.

— Почему же странным? — удивилась София.

— Потому что старшая дочь с детства читает больше, чем многие университетские профессора.

Он с улыбкой посмотрел на Елизавету.

— Средний сын искренне убежден, что создан исключительно для того, чтобы разорить собственного отца.

— Это временное увлечение, — невозмутимо заметил Михаил.

— Очень на это надеюсь.

Теперь взгляд Алексея Николаевича остановился на Софии.

— А младшая дочь умудряется узнавать все новости раньше, чем они успевают произойти.

София просияла.

— Правда?

— Даже не спрашивай, откуда мне известно, что сегодня утром ты снова подслушивала у двери моего кабинета.

Девочка замерла.

— Кто вам сказал?

— Никто.

— Тогда...

Отец лукаво улыбнулся.

— Потому что я видел твою тень под дверью.

Столовую вновь наполнил смех, а София, смущенно закрыв лицо ладонями, тихо пробормотала:

— Я думала, вы не заметили...

— Моя дорогая, министры порой замечают вещи куда менее очевидные, — ответил он, ласково улыбнувшись. — За любопытство я не сержусь. Лишь бы оно всегда приводило тебя к знаниям, а не к сплетням.

Девочка с такой серьезностью кивнула, словно только что получила один из важнейших жизненных уроков.

Наталья Сергеевна, до сих пор молча наблюдавшая за разговором, поставила чашку на блюдце и посмотрела на мужа с той едва заметной улыбкой, которая неизменно появлялась всякий раз, когда он принимался воспитывать детей.

— Алексей Николаевич, вы собирались поздравить именинницу, а вместо этого успели прочитать нравоучения всем остальным.

Он виновато развел руками.

— Видишь ли, Наталья Сергеевна, привычка.

— Государственная?

— Отцовская.

Она лишь покачала головой, но в ее взгляде было столько тепла, что не оставалось сомнений: именно таким человеком она когда-то полюбила своего будущего мужа.

Поднявшись из-за стола, Алексей Николаевич подошел к Елизавете. Разговоры сами собой стихли, а в его глазах появилось выражение, которого она давно не видела. Так он смотрел на нее только тогда, когда вспоминал маленькую девочку, совсем недавно державшуюся за его руку.

— На празднике я подарю тебе подарок, Лизет.

— Хорошо, папенька.

София вдруг ахнула и подпрыгнула на стуле.

— Я же говорила! Я сразу поняла, что папенька что-то прячет!

Михаил рассмеялся.

— Ни секунды в этом не сомневался. Еще немного, и ты непременно узнаешь, где именно.

— Уже узнала.

В столовой воцарилась тишина.

Алексей Николаевич медленно поднял брови.

— Неужели?

Лишь теперь София поняла, что проговорилась. Испуганно переведя взгляд с Лизет на мать, затем на Михаила, она словно надеялась, что кто-нибудь спасет ее от неловкого положения.

Первым рассмеялся отец, и уже через мгновение смеялись все. Даже Павел Андреевич, неизменно сохранявший

безукоризненную серьезность, позволил себе едва заметную улыбку.

К вечеру дом преобразился до неузнаваемости. С наступлением сумерек десятки окон вспыхнули теплым светом, отражаясь в зеркальных стеклах оранжереи и неподвижной глади старого пруда. По широкой подъездной аллее одна за другой подъезжали кареты, лакеи торопливо распахивали дверцы, принимая меховые накидки и цилиндры, а над крыльцом, украшенным гирляндами из живых белых роз и молодых липовых ветвей, уже звучала музыка небольшого струнного оркестра.

Особняк министра финансов в тот вечер принимал почти весь столичный свет. В парадных залах негромко переговаривались министры, сенаторы, генералы, иностранные дипломаты, придворные дамы и офицеры гвардии, и казалось, будто сама столица на несколько часов переселилась под эту крышу.

Однако стоило церемониймейстеру объявить о прибытии августейших гостей, как разговоры сами собой смолкли, а присутствующие почтительно расступились.

Император вошел в зал неторопливой походкой человека, давно привыкшего к тому, что каждое его движение становится предметом всеобщего внимания. Рядом с ним шла императрица, державшаяся с тем редким достоинством, которое не нуждалось ни в показной строгости, ни в demonstra-

тивной величавости.

Министр вместе с супругой встретили их у входа. Алексей Николаевич уже склонил голову и начал произносить положенные слова приветствия, но государь, не дослушав официальную фразу до конца, добродушно улыбнулся и крепко пожал ему руку.

— Полно вам, Алексей Николаевич. Сегодня мы приехали не к министру, а к счастливому отцу.

Императрица, оглядев празднично украшенный зал, покачала головой.

— Признаюсь, я даже немного обижена.

Все удивленно посмотрели на нее.

— Таковую именинницу следовало бы поздравлять в Зимнем дворце. Не понимаю, почему вы решили устроить праздник без нашего участия.

Император тихо рассмеялся.

— Мария Федоровна, если следовать вашей логике, нам придется открыть во дворце детскую.

Она с притворным недоумением посмотрела на мужа.

— Почему же?

— Потому что, судя по всему, у нас появился еще один ребенок.

По залу прокатился добродушный смех, а императрица, не скрывая улыбки, слегка коснулась веером его плеча.

— Государь, вы невозможны.

— Зато честен.

Переведя взгляд на министра, он добавил:

— Признайтесь, Алексей Николаевич, ведь все мы поне-
многу считаем Лизет своей.

— Для меня это высочайшая честь, Ваше Императорское
Величество.

В эту минуту двери гостиной вновь распахнулись, и раз-
говоры мгновенно стихли.

Елизавета медленно вошла в зал.

На ней было платье из легкого белого шелка, почти ли-
шенное драгоценного убранства. Казалось, портниха созна-
тельно отказалась от всего, что могло бы затмить молодость
хозяйки вечера. Лишь тончайшее кружево мягкими волна-
ми спадало с плеч, а узкий серебристый пояс едва заметно
подчеркивал тонкую талию.

Но больше всего взгляд притягивали не платье и не жем-
чуг.

В светлые волосы Елизаветы был вплетен венок из белых
полевых роз, васильков и молодых веточек мирта, отчего она
казалась не придворной красавицей, а самой русской весной,
неожиданно вошедшей под своды петербургского особняка.

Императрица первой подошла к девушке. Не дожидаясь
церемоний, она тепло обняла ее, взяла ладонями за лицо и
несколько мгновений молча смотрела на нее с той материн-
ской нежностью, которую никогда не пыталась скрывать да-
же на официальных приемах.

— С днем рождения, моя дорогая Лизет.

— Благодарю вас, Ваше Императорское Величество.

— Нет, — мягко перебила ее государыня, покачав головой. — Сегодня никаких титулов. Сегодня ты просто наша именинница.

Елизавета благодарно улыбнулась.

Почти сразу вслед за императрицей к ней быстрым шагом подошла великая княжна.

— Лизет... наконец-то!

Не сдержавшись, она крепко обняла подругу.

— Будто мы не виделись целую вечность.

— Целых три дня.

— Это действительно вечность.

Обе рассмеялись.

Тем временем гости один за другим подходили с поздравлениями. Кто-то преподносил редкие книги в дорогих переплетах, кто-то драгоценности, кто-то альбомы с гравюрами, картины, старинные часы или фарфор. Елизавета благодарила каждого одинаково искренне, не позволяя себе ни тени скуки или усталости, хотя поток поздравлений, казалось, не собирался заканчиваться.

Лишь один человек не спешил приблизиться.

У дальней колонны, почти скрытый в тени высоких пальм, стоял великий князь Петр.

Он почти не участвовал в разговорах, не танцевал и почти не улыбался. Его взгляд раз за разом возвращался к Елизавете, словно остальные гости перестали для него существо-

вать.

Император заметил это раньше других. Перехватив взгляд супруги, он едва заметно вздохнул, но ничего не сказал.

Праздник продолжался своим чередом. Музыка вновь наполнила зал, гости постепенно переходили в соседние комнаты, где уже были накрыты столы, лакеи бесшумно открывали шампанское, а разговоры становились все оживленнее. И только Алексей Николаевич неожиданно поднялся со своего места.

— Друзья мои...

Негромкого голоса оказалось достаточно, чтобы в зале воцарилась тишина.

— Позвольте мне оставить последний подарок за собой.

Он посмотрел на дочь. В его взгляде не было ни торжественности, ни желания произвести впечатление. Лишь спокойная, глубокая любовь, которую невозможно выразить ни высоким чином, ни красивыми словами.

— Лизет... подойди ко мне.

Елизавета сделала несколько шагов навстречу отцу. В огромном зале стало так тихо, что было слышно, как потрескивают свечи в бронзовых канделябрах.

Алексей Николаевич достал из внутреннего кармана небольшой футляр, обтянутый темно-синим бархатом, и, раскрыв его, показал золотую брошь в виде цветущей ветви шиповника. Каждый лепесток был выполнен с поразитель-

ной тонкостью, жемчужины изображали едва раскрывшиеся бутоны, а крошечные алмазы, рассыпанные по листьям, отражали свет сотен свечей, словно на них дрожала утренняя роса.

Осторожно взяв брошь, отец собственноручно приколот ее к платью дочери и несколько мгновений молчал, будто подбирая слова, которые останутся с ней на всю жизнь.

— Сегодня ты вступаешь во взрослую жизнь. Я не могу знать, какой она будет. Не сумею уберечь тебя от всех разочарований и не смогу пройти этот путь рядом с тобой до самого конца, но хочу, чтобы, надевая эту брошь, ты всегда помнила одну простую вещь.

Он бережно коснулся золотой веточки.

— Розы прекрасны, пока за ними ухаживают, а шиповник цветет там, где другим цветам уже не хватает сил. Если однажды судьба приведет тебя туда, где станет трудно, одиноко или страшно, вспомни сегодняшний вечер, вспомни наш дом и никогда не забывай, моя девочка, что бы ни случилось, ты всегда была и всегда останешься любимой.

В глазах Елизаветы заблестели слезы. Она ничего не сказала, лишь крепко обняла отца, и никто из присутствующих не решился нарушить эту минуту аплодисментами. Каждый понимал, что сейчас перед ними стоял не министр Российской империи и не один из самых влиятельных государственных людей страны, а отец, говоривший с дочерью языком любви, понятным каждому человеку.

Когда музыка вновь зазвучала под высокими сводами зала, лакеи продолжили разносить шампанское и легкие закуски, а гости постепенно разбились на небольшие кружки, где уже обсуждали последние столичные новости, предстоящий сезон в Петергофе и, разумеется, виновницу сегодняшнего вечера.

Елизавета едва успевала принимать поздравления. Кто-то просил оставить за ним следующий танец, кто-то расспрашивал о ее планах, пожилые дамы с материнской нежностью любовались ее молодостью, а молодые офицеры старались хотя бы на несколько минут привлечь внимание именинницы.

Наталья Сергеевна наблюдала за дочерью с тихой улыбкой.

— Она сегодня удивительно хороша, — негромко произнесла стоявшая рядом княгиня Голицына.

— Благодарю вас.

— Нет, дорогая моя, это вовсе не любезность. Посмотрите сами: кажется, весь зал перестал замечать кого-либо, кроме вашей Лизет.

Наталья Сергеевна перевела взгляд на дочь. Елизавета действительно словно светилась. Не драгоценности, не белый шелк платья и даже не венок из полевых цветов делали ее прекрасной. Ее украшала молодость, та удивительная пора, когда человек еще не знает настоящего горя и потому смотрит на мир открытым сердцем.

Княгиня слегка наклонилась к ней.

— А граф Сергей Варламов, кажется, вовсе забыл, что держит в руках бокал.

Высокий темноволосый молодой человек действительно не сводил глаз с Елизаветы.

— Прекрасная партия, — продолжала княгиня. — Старший сын графа Варламова, блестящее образование, состояние, имя... да и собой необыкновенно хорош.

К разговору присоединилась еще одна дама.

— Если бы у меня была дочь, я бы молилась именно о таком супруге.

— Говорят, государь тоже весьма расположен к молодому графу.

— И не без причины. Умный, воспитанный, честолубивый, но совершенно без высокомерия.

Наталья Сергеевна спокойно выслушала собеседниц и лишь после короткой паузы ответила:

— Я никогда не стану выбирать мужа вместо дочери.

Дамы удивленно переглянулись.

— Но разве родители не должны думать о будущем своих детей?

— Должны, — мягко согласилась она и посмотрела на Елизавету, смеявшуюся над какой-то шуткой великой княжны. — Именно поэтому я хочу, чтобы однажды она сама выбрала человека, рядом с которым будет счастлива. Все остальное можно приобрести или потерять, а душевный по-

кой достается человеку гораздо реже.

Пожилые матроны понимающе закивали, хотя каждая из них, без сомнения, осталась при своем мнении.

В это самое время с противоположной стороны зала слышался сдержанный смех. Император, беседовавший с министром иностранных дел, неожиданно повернул голову. Из-за тяжелой бархатной портьеры осторожно выглянула светловолосая детская головка.

Это была София.

Она была совершенно уверена, что никто ее не заметил, и потому медленно, стараясь ступать как можно тише, проскользнула в зал, сразу же спрятавшись за огромной пальмой в расписной кадке.

— И куда же это мы направляемся? — раздался над самым ухом добродушный мужской голос.

София так вздрогнула, что едва не вскрикнула.

Перед ней стоял наследник престола, цесаревич Николай, с трудом скрывавший улыбку.

— Ваше Императорское Высочество...

— Заговор? — с самым серьезным видом спросил он.

Девочка энергично замотала головой.

— Тогда, может быть, шпионаж?

— Нет...

— Значит, тебе просто очень хотелось посмотреть на праздник?

София виновато опустила глаза.

— Совсем немножко...

— Странно, а мне показалось, что очень множко.

Он протянул ей руку.

— Пойдем.

Девочка обреченно вложила в нее свою маленькую ладонь.

Наталя Сергеевна, заметив дочь, мгновенно побледнела.

— Соня...

В ее голосе прозвучало столько материнского предупреждения, что девочка машинально спряталась за наследника.

— Простите... я только одним глазком...

— Сейчас же...

Но договорить она не успела.

Император, наблюдавший за этой сценой с нескрываемым удовольствием, громко рассмеялся.

— Наталя Сергеевна, оставьте вы ребенка в покое.

Все присутствующие обернулись к государю.

Подозвав Софию ближе, он с улыбкой посмотрел на нее.

— Так это вы решили тайком попасть на бал?

Она смущенно кивнула.

— И удалось?

— Почти...

— Почти тоже считается.

Император перевел взгляд на супругу.

— Видишь, Маша? Настоящая разведчица растет.

Императрица ласково погладила Софию по волосам.

— Только впредь не прячься за шторами. Они сегодня слишком длинные для такой маленькой заговорщицы.

Александр Александрович добродушно махнул рукой.

— Пусть остается.

Окинув взглядом притихших гостей, он с нарочитым удивлением произнес:

— Неужели мы станем праздновать восемнадцатилетие старшей сестры без младшей?

София просияла так искренне, что даже самые строгие придворные невольно улыбнулись.

Подбежав к Елизавете, она крепко взяла ее за руку.

— Спасибо, государь!

— Благодарю не меня, — с улыбкой ответил император. — Благодарю свою улыбку. Против нее, боюсь, бессильны даже императоры.

Пользуясь тем, что внимание гостей вновь переключилось на музыку, Елизавета незаметно отошла к высоким французским окнам, выходящим в сад. За стеклом уже сгущались мягкие июньские сумерки, а вдоль липовых аллей один за другим загорались белые фонари, будто кто-то бережно развешивал между ветвями маленькие звезды.

— Вот ты где.

Лизет обернулась.

К ней почти бегом подошла великая княжна Ксения Александровна. Несмотря на строгие правила дворцового этикета, рядом с Елизаветой она неизменно оставалась той самой

Ксенией, с которой когда-то играла в прятки в аллеях Петергофа и устраивала бесконечные кукольные чаепития.

Не говоря ни слова, княжна крепко обняла подругу.

— С днем рождения, Лизет.

— Спасибо.

Ксения отступила на шаг и внимательно посмотрела на нее.

— Нет... позволь мне сначала налюбоваться.

Она медленно покачала головой.

— Решительно несправедливо.

— Что именно?

— То, что Господь решил собрать в одном человеке сразу все.

Лизет тихо рассмеялась.

— Не преувеличивай.

— Совсем нет. Посмотри на себя. Если бы я была мужчиной, мне пришлось бы вызвать на дуэль половину Петербурга.

— Ксения!

— Что? Я говорю совершенно искренне.

Обе рассмеялись.

В эту минуту возле них остановился молодой офицер в мундире лейб-гвардии Конного полка.

Высокий, светловолосый, с открытым лицом и удивительно спокойными серыми глазами, он поклонился сначала великой княжне, затем Елизавете.

— Ваше Императорское Высочество.

— Граф Варламов, — приветливо ответила Ксения. — Какая приятная неожиданность.

— Позвольте поздравить именинницу?

Получив утвердительный кивок, он повернулся к Елизавете.

— Елизавета Алексеевна... примите мои поздравления. Позвольте пожелать вам долгой счастливой жизни и... чтобы все ваши мечты однажды стали воспоминаниями.

Елизавета удивленно подняла глаза.

— Почему именно воспоминаниями?

Сергей улыбнулся.

— Потому что мечта, которая исполнилась, становится самым счастливым воспоминанием.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

Елизавета неожиданно почувствовала, как легко ей рядом с этим человеком. Не нужно было искать подходящие слова, стараться казаться интереснее или производить впечатление. Его спокойствие располагало к откровенности куда сильнее любых комплиментов.

Ксения, незаметно наблюдавшая за обоими, лукаво улыбнулась.

— Сергей Павлович...

— Да, Ваше Высочество?

— Мне одной кажется, или последние несколько минут вы смотрите исключительно на Лизет?

Граф заметно смутился.

— Боюсь, вы несправедливы ко мне.

— Правда?

— По меньшей мере... четыре минуты.

Ксения звонко рассмеялась.

Елизавета почувствовала, как щеки начинают предательски гореть.

— Ксения, перестань...

— Ах, так я угадала?

— Ничего ты не угадала.

— Разумеется, — с самым серьезным видом согласилась княжна. — Просто наша Лизет совершенно случайно покраснела.

Сергей лишь улыбнулся и не стал продолжать шутку, и именно эта деликатность вдруг понравилась Елизавете еще больше.

В этот момент рядом слышались шаги.

— Ваше Императорское Высочество.

Все трое обернулись.

К ним подходил великий князь Петр Александрович, рядом с которым шла великая княжна Ольга.

Как всегда, Петр держался безукоризненно. Ни один его жест не нарушал придворного этикета, ни одна складка мундира не казалась случайной. Поклонившись Ксении, он приветствовал Сергея легким кивком и лишь затем перевел взгляд на Елизавету.

Этот взгляд длился всего мгновение, но Лизет неожиданно почувствовала необъяснимое беспокойство.

— Позвольте присоединиться к вашему обществу.

— Разумеется, дядюшка, — весело ответила Ксения.

Ольга, тепло улыбнувшись Елизавете, тихо взяла ее под руку.

— Мы сегодня почти не виделись.

— Гостей оказалось слишком много.

— Или поклонников, — с улыбкой заметила княжна.

Елизавета только вздохнула, но ответить не успела, потому что оркестр заиграл первые такты нового вальса.

Сергей сделал шаг вперед.

— Елизавета Алексеевна, окажете ли вы мне честь?

Почти одновременно прозвучал другой голос.

— Позвольте пригласить вас на этот танец?

Петр произнес эти слова спокойно, словно не замечая, что граф уже успел обратиться к имениннице первым.

На несколько секунд повисла неловкая тишина.

Сергей медленно выпрямился, сохраняя безупречную вежливость. Петр по-прежнему выглядел совершенно невозмутимым, и именно это спокойствие делало возникшее напряжение еще ощутимее.

Елизавета растерянно переводила взгляд с одного мужчины на другого. Она не могла отказать великому князю, но и принять его приглашение, оставив без ответа Сергея, означало бы незаслуженно обидеть молодого графа.

Ксения мгновенно уловила замешательство подруги и, словно ничего особенного не происходило, весело хлопнула в ладоши.

— Дядюшка!

Петр перевел на нее взгляд.

— Вы ведь только вчера вернулись из Вены?

— Совершенно верно.

— Тогда это просто непростительно.

— Что именно?

— Что вы до сих пор не рассказали мне, правда ли, что венские дамы теперь носят шлейфы длиннее дворцовых коридоров.

Ольга тихо рассмеялась.

Петр едва заметно улыбнулся.

— Боюсь, подобный вопрос требует обстоятельного ответа.

— Вот именно. А если вы сейчас уведете Лизет танцевать, кто же удовлетворит мое любопытство?

С самым невинным видом Ксения взяла дядю под руку.

— Прошу вас. Неужели вы оставите любимую племянницу в таком невежестве?

Петр поочередно посмотрел на Ксению, затем на Елизавету и наконец на Сергея.

Он понял все.

После короткой паузы великий князь слегка поклонился.

— В таком случае не смею лишать графа его счастливой

возможности.

Сергей ответил столь же безупречным поклоном.

— Благодарю, Ваше Императорское Высочество.

Петр ничего не сказал. Лишь на одно короткое мгновение задержал взгляд на Елизавете, и этого оказалось достаточно, чтобы по ее спине пробежал едва ощутимый холодок.

Спустя секунду она уже вложила руку в ладонь Сергея, даже не подозревая, что этот короткий эпизод останется в памяти великого князя куда дольше, чем весь сегодняшний вечер.

Первые такты вальса увлекли танцующих в плавное движение, и белое платье Елизаветы вскоре растворилось среди сверкающих мундиров и легких шелковых юбок.

Сергей Варламов танцевал уверенно, без малейшей нарочитости. Он почти не говорил, лишь изредка отвечая на слова Елизаветы спокойной улыбкой или короткой шуткой, и именно эта естественность удивительным образом располагала к нему.

Великий князь Петр проводил танцующую пару взглядом, задержав его чуть дольше, чем следовало.

— Дядюшка...

Он не сразу услышал голос.

Рядом уже стояли Ксения и Ольга, которые тоже невольно проследили направление его взгляда.

Первой нарушила молчание Ольга.

— Кажется, вы совершенно забыли, что сегодня в зале

присутствуют не только граф Варламов и Лизет.

Петр спокойно перевел взгляд на племянниц.

— Не понимаю, о чем ты.

Ксения тихо усмехнулась.

— Разумеется.

Она взяла с подноса бокал лимонада и задумчиво покрутила его в руках.

— Просто мне показалось, что еще немного, и Сергей Павлович начнет чувствовать себя обязанным откланиваться вам после каждого поворота вальса.

На губах Петра мелькнула едва заметная улыбка.

— Ты становишься слишком наблюдательной.

— Это семейное.

Ольга тихо рассмеялась.

— Ксения замечает все.

— Почти все, — поправила ее княжна и снова посмотрела в сторону танцующих. — Надо признать, они удивительно хорошо смотрятся вместе.

Петр промолчал.

Ксения словно продолжала размышлять вслух.

— Помнишь, Ольга, как папенька однажды пил чай с Алексеем Николаевичем?

— Помню.

— Кажется, тогда речь зашла о графе Варламове.

Ольга кивнула.

— Да. Папенька сказал, что редко встречает столь достой-

ных молодых людей.

— А Алексей Николаевич, насколько я помню, ответил, что был бы совершенно счастлив видеть рядом с дочерью человека именно такого склада.

Сделав маленький глоток лимонада, Ксения пожала плечами.

— Конечно, это был всего лишь разговор... но иногда семейные разговоры оказываются удивительно дальновидными.

На лице Петра не дрогнул ни один мускул. Лишь пальцы его правой руки медленно сомкнулись вокруг белой лайковой перчатки, которую он все это время держал, и тонкая кожа едва слышно скрипнула под усилием.

Ольга заметила это движение, но предпочла промолчать.

Тишину неожиданно нарушил звонкий девичий голос.

— Папенька! Ну скажите ему!

К ним почти бегом приближалась София, а следом за ней шел Михаил, безуспешно стараясь сохранить серьезный вид.

— Ваши Императорские Высочества, — с улыбкой поклонился он.

— Что случилось? — с любопытством спросила Ксения.

Михаил театрально вздохнул.

— Прошу рассудить нас. Соня решила, что раз сегодня праздник, значит, правила больше не существуют.

— Неправда! — горячо возразила девочка.

— Правда.

— Неправда!

Она сердито топнула маленькой туфелькой.

— Я всего лишь сказала, что тоже хочу танцевать.

— И предложила, чтобы оркестр играл исключительно для тебя, — невозмутимо добавил брат.

— Я не предлагала... — София на мгновение задумалась.

— Я очень убедительно просила.

Ксения рассмеялась так искренне, что к ним начали оборачиваться гости.

Шум привлек внимание императора. Прервав разговор с министром, он с любопытством посмотрел в их сторону.

— Что за спор?

— Государь, — ответил Михаил, — моя младшая сестра убеждена, что взрослые поступают крайне несправедливо, танцуя без детей.

— Вот как?

Александр Александрович с нарочитой серьезностью посмотрел на Софию.

— И что же ты предлагаешь?

Девочка решительно расправила плечи.

— Исправить эту несправедливость.

Несколько секунд государь молчал, словно всерьез обдумывал ее предложение, после чего неожиданно перевел взгляд на Петра.

— Кажется, братец, перед вами стоит весьма ответственная задача.

Великий князь впервые за весь вечер улыбнулся по-настоящему. Подойдя к Софии, он с безукоризненной вежливостью слегка поклонился.

— Сударыня, окажете ли вы мне честь подарить этот танец?

Девочка растерянно посмотрела сначала на Михаила, затем на Ксению.

— Мне?

— Разумеется.

Она осторожно вложила свою маленькую ладонь в его руку.

Петр сделал несколько шагов, после чего неожиданно остановился и с улыбкой посмотрел на свою юную партнершу.

— Боюсь, возникло одно затруднение.

— Какое?

— Если мы будем танцевать обычным образом, вам придется весь вечер смотреть на мои пуговицы.

София звонко рассмеялась.

Не говоря больше ни слова, великий князь легко поднял ее на руки.

Оркестр словно почувствовал настроение зала, и вальс зазвучал мягче. Петр неторопливо закружился вместе с девочкой, крепко обнимавшей его за шею, а взрослые, улыбаясь, сами расступались перед этой неожиданной парой.

Императрица незаметно вытерла выступившие от смеха

слезы, а Александр Александрович, покачив головой, подождал к себе министра.

— Алексей Николаевич...

— Государь?

Император кивнул в сторону кружившейся в танце Софии.

— Вот она.

— Кто, Ваше Величество?

— Будущая гроза молодых людей. Помяните мое слово: пройдет каких-нибудь четыре года, и половина гвардии забудет, как правильно держать шпагу, зато прекрасно запомнит цвет ее глаз.

Министр рассмеялся.

— Тогда мне остается лишь надеяться, государь, что к тому времени они научатся еще и достойно просить руки моей дочери.

— Не надейтесь, — лукаво улыбнулся император. — Отцы никогда не бывают к этому готовы.

Тем временем оркестр заиграл новый медленный вальс. Полированный паркет отражал сотни огней, а танцующие пары плавно кружились под высокими сводами зала, где в огромных зеркалах множились отблески свечей.

Сергей уверенно вел Елизавету, не стараясь удивить ее сложными фигурами или показать собственное мастерство. В его движениях не было ничего показного. Он танцевал так же, как говорил: спокойно, легко и с тем внутренним досто-

инством, которое не нуждалось ни в доказательствах, ни в одобрении окружающих.

Некоторое время они молчали, и это молчание совсем не тяготило. Напротив, Елизавета неожиданно поймала себя на мысли, что рядом с графом ей удивительно легко. Он не искал остроумных фраз, не стремился произвести впечатление и не осыпал ее бесконечными комплиментами, которыми весь вечер так щедро делились молодые офицеры. Казалось, ему было достаточно просто находиться рядом с ней.

— Признаться, — негромко произнес Сергей после очередного поворота, — сегодня я почти пожалел, что согласился приехать.

Елизавета удивленно посмотрела на него.

— Неужели праздник оказался столь скучным?

— Совсем напротив.

Он улыбнулся.

— Просто теперь мне придется признать, что ни один следующий вечер уже не сможет сравниться с этим.

Она тихо рассмеялась.

— Вы слишком великодушны к хозяйке дома.

— Боюсь, дело вовсе не в доме.

Почувствовав, как щеки начинают теплеть, Елизавета поспешила перевести разговор, но в этот самый миг по залу прокатился дружный смех.

Обернувшись, они увидели в самом центре зала великого князя Петра, который, подхватив Софию на руки, медленно

кружился с ней под звуки вальса. Девочка счастливо смеялась, крепко держась за его плечи, а ее светлая коса то и дело взлетала в воздух. Императрица с улыбкой наблюдала за ними, император что-то весело говорил министру, а взрослые, забыв о собственных разговорах, с искренним удовольствием следили за этой неожиданной картиной.

Елизавета невольно прижала ладонь к губам.

— Соня...

— Кажется, сегодняшний вечер она будет вспоминать всю жизнь, — с улыбкой заметил Сергей.

— Непременно будет.

— И, смею предположить, когда-нибудь расскажет о нем своим детям.

— И внукам, — с улыбкой добавила Елизавета.

Они снова рассмеялись.

Несколько мгновений Сергей молчал, словно собираясь с мыслями.

— Позвольте задать вам один вопрос, Елизавета Алексеевна.

— Конечно.

— Через две недели в Царском Селе начнутся летние игры. Насколько мне известно, вы неизменно принимаете в них участие.

Елизавета кивнула.

— Если Ее Императорское Высочество не придумает ничего нового, то, вероятно, да.

На губах Сергея появилась едва заметная улыбка.

— В таком случае мне остается надеяться лишь на одно.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Что вы окажете мне честь, позволив сопровождать вас во время игр.

Он произнес эти слова без всякой рисовки, после короткой паузы, которая возникла не ради красивого эффекта, а потому, что человеку, не привыкшему говорить о личном, всегда труднее подобрать нужные слова.

Елизавета не ответила сразу.

Она почувствовала, как сердце забилося немного быстрее. Это не было признанием в любви и не звучало обещанием будущего. Перед ней стоял человек, который просто хотел проводить с ней больше времени, и именно эта простота неожиданно тронула ее сильнее любых громких признаний.

— Думаю, — наконец сказала она, стараясь сохранить спокойствие, — если Ксения не решит похитить меня раньше всех остальных, то я с удовольствием приму ваше предложение.

Сергей тихо рассмеялся.

— В таком случае я готов вступить в честную борьбу даже с великой княжной.

— Это весьма смелое решение, граф.

— Иногда смелость остается единственным способом не упустить то, что действительно дорого.

Музыка постепенно стихала, возвещая окончание вальса.

Когда последние аккорды растворились под высокими сводами зала, Сергей остановился, почтительно поклонился и, не сводя с Елизаветы спокойного открытого взгляда, произнес:

— Благодарю вас за этот танец.

Она ответила улыбкой, даже не подозревая, что этот вечер останется в памяти не только ей.

Высоко над освещенными окнами старого особняка уже поднималась тихая белая ночь. Она бережно укрывала своим светом последнее счастливое лето большой семьи, позволяя каждому из присутствующих верить, что впереди их ждет долгая и спокойная жизнь.

*Какая светлая пора,
Как сладок воздух над землей!
Пока душа еще юна,
Пока надежда за спиной.*

Глава 2

Прошло две недели.

Июль окончательно вступил в свои права, наполнив аллеи Царского Села густым ароматом цветущих лип и свежескошенной травы. По утрам дворцовый парк еще хранил прохладу, но к полудню солнце уже щедро заливало золотистым светом широкие дорожки, белые колоннады и тихую гладь прудов, в которых, казалось, отражалось само небо.

Для молодежи эти дни были самыми долгожданнами в году.

Летние игры, устраиваемые императорской семьей, давно перестали быть лишь развлечением. Здесь устраивали пикники, катались верхом, состязались в стрельбе, играли в крокет и лаун-теннис, подолгу гуляли по тенистым аллеям и смеялись так искренне, словно на несколько счастливых дней придворный этикет переставал существовать.

Комнаты великих княжон выходили окнами в старый английский парк.

Елизавета сидела на широком подоконнике, поджав под себя ноги, и с таким увлечением читала книгу, что уже в который раз не замечала, как Ксения пытается привлечь ее внимание.

— Лизет.

Ответа не последовало.

— Лизет.

В комнате по-прежнему стояла тишина.

Ксения тяжело вздохнула и, покачав головой, с улыбкой произнесла:

— Если я сейчас надену два разных башмака, ты, боюсь, тоже ничего не заметишь.

Елизавета медленно перевернула страницу.

— Вероятнее всего.

— Вот видишь.

Княжна победно улыбнулась своему отражению в высоком французском зеркале.

— Я всегда говорила, что книги однажды украдут тебя у живых людей.

Лишь теперь Лизет подняла голову.

— Ты что-то сказала?

— Именно это я и имела в виду.

Виновато улыбнувшись, Елизавета вложила между страницами шелковую закладку и закрыла книгу.

— Прости.

— Не извиняйся.

Ксения подошла ближе, осторожно взяла томик из ее рук и, взглянув на обложку, театрально всплеснула руками.

— Тургенев...

Она сокрушенно покачала головой.

— Теперь все понятно. Против него у меня никогда не было ни малейшего шанса.

Елизавета тихо рассмеялась.

— Ты преувеличиваешь.

— Нисколько.

Ксения присела рядом на широкий подоконник. За окном лениво покачивались ветви старых дубов, а откуда-то из глубины парка доносились голоса молодых офицеров, уже собиравшихся перед дворцом.

Несколько минут подруги молчали.

Это молчание нисколько их не тяготило. Их дружба давно достигла той редкой степени близости, когда слова перестают быть необходимыми, а тишина становится продолжением разговора.

Наконец Ксения неожиданно спросила:

— Какое платье лучше: белое или голубое?

Елизавета перевела взгляд на два наряда, аккуратно разложенных на диване.

— Голубое.

— Почему именно оно?

— Оно делает твои глаза еще ярче.

Ксения улыбнулась.

— Вот за что я тебя люблю, так это за то, что ты никогда не отвечаешь: «Любое».

Она ласково накрыла ладонью руку подруги.

— Иногда мне кажется, что ты замечаешь красоту во всем мире, кроме самой себя.

Елизавета смущенно отвела взгляд.

— Не говори глупостей.

— Это вовсе не глупости.

Ксения внимательно посмотрела ей в лицо, словно пыталась разглядеть в нем то, чего сама Лизет упорно не замечала.

— Знаешь, когда мы были совсем маленькими, мне почему-то казалось, что однажды ты непременно станешь писательницей.

— Почему?

— Потому что ты всегда жила где-то далеко.

— Где же?

— В собственных мыслях.

Она улыбнулась еще теплее.

— Иногда я разговариваю с тобой, а ты смотришь в окно так, словно уже давно беседуешь с героями своих любимых книг.

Елизавета тихо засмеялась.

— Возможно... так оно и есть.

В этот момент в дверь осторожно постучали.

— Войдите.

На пороге появилась фрейлина великой княжны.

Почтительно поклонившись, она произнесла:

— Ваше Императорское Высочество, прошу простить за беспокойство, но цесаревич Николай Александрович и граф Сергей Варламов уже ожидают вас внизу.

Елизавета почти незаметно вздрогнула.

Это движение было столь легким, что другой человек едва ли обратил бы на него внимание, однако Ксения заметила его сразу.

Лизет поспешно поднялась с подоконника, машинально разгладила складки платья, поправила воротник, затем коснулась прически и, немного поколебавшись, тихо спросила:

— Все ли в порядке?

Ксения ответила не сразу.

Она молча наблюдала, как подруга еще раз посмотрела на себя в зеркало, осторожно поправила выбившийся локон и без всякой необходимости расправила идеально лежавшую ленту на талии.

Лишь после этого княжна улыбнулась той особенной улыбкой, в которой всегда было больше понимания, чем насмешки.

— Знаешь, Лизет...

Елизавета вопросительно посмотрела на нее.

— Иногда мне кажется, что ты живешь где-то очень далеко отсюда.

— Ты опять о книгах?

— Нет.

Ксения медленно покачала головой.

— Сегодня я говорю о тебе.

Она подошла ближе и бережно поправила тот самый локон, который Лизет уже успела поправить дважды.

— Ты можешь забыть о времени, исчезнуть в собственных

мыслях, не замечать людей вокруг и даже забыть о собственном дне рождения...

Елизавета улыбнулась.

— Это правда.

— Но теперь, кажется, появился человек, который всякий раз возвращает тебя обратно в этот мир.

Щеки Лизет мгновенно вспыхнули.

— Ксения...

— Что?

— Не начинай.

Княжна невинно развела руками.

— Я ведь ничего не сказала.

— Именно поэтому это еще опаснее.

Ксения звонко рассмеялась, взяла подругу под руку и направилась к двери.

— Пойдем, мечтательница. Нехорошо заставлять ждать человека, который уже десять минут смотрит на часы и делает вид, будто вовсе не ждет тебя.

Елизавета ничего не ответила.

Она лишь опустила глаза, пряча улыбку, и впервые за все утро подумала не о книге, оставшейся на подоконнике, а о молодом графе, который, сам того не подозревая, уже научился возвращать ее из мира мыслей в мир, где сердце начинало биться немного быстрее.

Солнечное утро незаметно переходило в теплый июльский полдень. Над Екатерининским парком стояла та осо-

бенная тишина, которая рождается лишь в самые ясные летние дни, когда ветер лениво перебирает листву старых лип, вода в прудах кажется неподвижной, а время, словно утомившись собственной стремительностью, начинает течь медленнее.

Молодые люди давно покинули дворец.

На просторной лужайке уже началось состязание в крокет, несколько молодых офицеров с жаром спорили о достоинствах английских теннисных ракеток, придворные дамы неторопливо прогуливались по тенистым аллеям, скрывая лица под кружевными зонтиками, а государь, отказавшись участвовать в играх, с добродушной улыбкой наблюдал за происходящим, сидя рядом с императрицей в густой тени старого дуба.

— Посмотри, Саша, — тихо сказала Мария Федоровна, закрывая книгу. — Каждый год одно и то же, а мне всякий раз кажется, будто они снова становятся детьми.

Император проследил взглядом за веселой компанией.

Ксения что-то горячо доказывала брату, размахивая соломенной шляпкой, Николай с безнадежным видом пытался ей возражать, София, давно забыв обо всех правилах приличия, уже успела увлечь за собой нескольких детей придворных, а Михаил, судя по его оживленному выражению лица, собирался ввязаться в очередное дружеское пари.

— И слава Богу, — негромко ответил Александр Александрович. — Детство проходит слишком быстро. Не стоит

торопить его уход.

Императрица улыбнулась.

Она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы обмануться его внешней суровостью. За той строгостью, которой так опасались министры и генералы, скрывался человек удивительно доброго сердца, особенно когда речь заходила о детях.

Тем временем Ксения, окинув взглядом собравшуюся молодежь, звонко захлопала в ладоши, требуя внимания.

— Господа! Если вы намерены провести весь день, споря о правилах игр, то предлагаю выбрать занятие, которое хотя бы не закончится дипломатическим скандалом.

— И что же предлагает ваше высочество? — с улыбкой спросил Николай.

— Кататься на лодках.

Предложение встретили с таким единодушным восторгом, что возражений не последовало.

Слуги поспешили к пристани, где под навесом уже показывались на воде длинные прогулочные лодки с лакированными бортами. Гребцы заняли свои места, терпеливо ожидая лишь распоряжения отправляться.

— Только не позволяйте Михаилу садиться за весла, — со смехом заметила Ольга. — После прошлогодней прогулки мне еще долго снилось, как мы дрейфуем в камышах.

— Это была ошибка навигации, — невозмутимо возразил Михаил.

— Это было полное отсутствие навигации.

Все рассмеялись.

Пока молодежь продолжала обмениваться шутками, императрица подошла ближе.

— Раз уж вы решили отправиться на пруд, постарайтесь хотя бы не уплыть до самого Петербурга.

— Мы будем благоразумны, маменька, — пообещала Ксения с таким лукавым выражением лица, что было совершенно ясно: обещание — это не следует понимать слишком буквально.

У пристани началась привычная оживленная суeta. Кто-то искал забытые перчатки, кто-то спорил, в какой лодке окажется веселее, лакеи помогали дамам спуститься к воде, придерживая их за локоть, а над гладью пруда уже разносились первые всплески весел.

Елизавета собиралась последовать за Ксенией, когда рядом раздался спокойный мужской голос.

— Елизавета Алексеевна.

Она обернулась.

Великий князь Петр почтительно поклонился.

— Если вы не возражаете, мне хотелось бы просить вас разделить со мной сегодняшнюю прогулку.

Просьба прозвучала с такой безупречной учтивостью, что отказаться означало бы нарушить все правила придворного воспитания.

Елизавета на мгновение замешкалась.

Ей показалось, будто Сергей сделал едва заметное движение вперед, словно собирался что-то сказать, однако почти сразу остановился. Он слишком хорошо понимал, что в подобной ситуации любое слово оказалось бы неуместным.

— Разумеется, ваше императорское высочество, — спокойно ответила Лизет.

Петр слегка склонил голову.

— Благодарю.

Она успела лишь украдкой взглянуть на Сергея.

Их глаза встретились всего на одно короткое мгновение.

Он улыбнулся.

Совсем немного.

Так улыбаются человеку, которого хотят успокоить, несмотря на собственное разочарование.

И почему-то именно эта тихая улыбка тронула Елизавету гораздо сильнее, чем она могла бы признать даже самой себе.

Через несколько минут лодки одна за другой отчалили от деревянной пристани.

Весла размеренно рассекали воду, оставляя за собой расходящиеся серебристые круги, в которых дрожали отражения облаков и густых крон старых деревьев. Лодка, в которой сидели Елизавета и великий князь Петр, незаметно отстала от остальных, и вскоре их отделяло от шумной компании уже несколько десятков саженей.

Впереди доносился звонкий смех Ксении. София, пере-

гнувшись через борт, пыталась коснуться ладонью прохладной воды и тотчас получила строгое замечание от Михаила. Николай о чем-то увлеченно рассказывал Ольге, а Сергей, сидевший в соседней лодке, слушал его вполуха, то и дело невольно переводя взгляд туда, где над темной гладью пруда белела соломенная шляпка Елизаветы.

Петр заметил этот взгляд. Не укрылось от него и то, что сама Лизет словно избегала встречаться с ним глазами.

Некоторое время они плыли молча. Однако это молчание не тяготило ни одного из них, напоминая скорее осторожность двух людей, которые еще не решили, насколько откровенными могут позволить себе быть.

Наконец великий князь нарушил тишину.

— Вы любите Царское Село?

Елизавета подняла голову.

— Очень.

— Позвольте спросить, за что именно?

Она ненадолго задумалась, словно стараясь найти слова, которые точнее всего передали бы ее чувство.

— Здесь легче дышится.

На губах Петра появилась легкая улыбка.

— Необычный ответ. Обычно вспоминают дворцы, парки или красоту прудов.

— Все это, конечно, прекрасно, — тихо произнесла Елизавета, проводя взглядом по спокойной поверхности воды, — но мне кажется, дело вовсе не в этом. Здесь люди стано-

вятся... настоящими.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Вы действительно так думаете?

— А разве вы сами этого не замечали? Во дворце каждый слишком хорошо помнит, кто он. Здесь же об этом иногда забывают. Посмотрите хотя бы на Ксению. Сейчас она вовсе не великая княжна, а просто счастливая девушка, которая смеется громче всех.

Петр невольно перевел взгляд вперед.

Ксения действительно, вопреки всем увещаниям Николая, стояла в лодке, приветствуя лебедей так восторженно, словно ей было десять лет, а не двадцать.

На лице великого князя появилась теплая улыбка.

— Пожалуй, вы правы.

Он снова посмотрел на Елизавету.

— А вы?

Она вопросительно подняла глаза.

— Кем становитесь вы, когда забываете обо всем?

Лизет улыбнулась.

— С собой.

Ответ прозвучал так просто и естественно, что Петр неожиданно почувствовал легкую зависть. Он всю жизнь оставался великим князем и уже почти не помнил, кем был бы, если бы однажды лишился этого титула.

Несколько минут он молчал, задумчиво глядя на воду. Лодочник размеренно работал веслами, стараясь не нару-

шать разговора, а легкий ветер приносил с противоположного берега смех молодежи, где Ксения уже успела затеять очередной спор с Николаем, София восторженно показывала всем лебединое семейство, а Михаил с полной уверенностью убеждал окружающих, что сумел бы управлять лодкой ничуть не хуже старого гребца, чем заслужил снисходительную улыбку последнего.

Продолжая неторопливо смотреть на спокойную воду, Петр негромко произнес:

— Иногда мне кажется, что человеку, родившемуся в нашей семье, гораздо труднее быть самим собой, чем всем остальным.

Елизавета повернулась к нему.

— Почему вы так думаете?

Он едва заметно улыбнулся.

— Потому что с самого детства нас учат помнить не столько о собственных желаниях, сколько о долге. Со временем начинаешь замечать, что окружающие обращаются уже не к человеку, а к его титулу, и однажды ловишь себя на мысли, что почти перестал понимать, где заканчивается одно и начинается другое.

Елизавета некоторое время молчала.

— Мне кажется, долг не обязательно мешает человеку быть счастливым.

— Не обязательно, — согласился Петр. — Но иногда он требует слишком высокой цены.

Она задумчиво посмотрела вдаль, где солнечные блики играли на воде.

— А если однажды долг и счастье окажутся по разные стороны?

Великий князь ответил не сразу.

— Тогда человеку остается лишь надеяться, что он сумеет сделать правильный выбор.

Елизавета почувствовала, что разговор постепенно становится слишком серьезным, и с легкой улыбкой попыталась вернуть ему прежнюю непринужденность.

— Неужели все великие князья любят столь философские беседы во время лодочных прогулок?

Петр тихо рассмеялся.

— Боюсь, это исключительно моя слабость.

— В таком случае мне следует быть осторожнее.

— Почему?

— Иначе к концу прогулки вы убедите меня, что жизнь состоит лишь из обязанностей.

Он покачал головой.

— Нет. Я слишком хорошо понимаю, что она состоит не только из них. Просто не каждому выпадает счастье выбирать собственную дорогу.

Эти слова прозвучали так спокойно, что Елизавета не сразу почувствовала скрытую за ними горечь. Лишь теперь она внимательно посмотрела на Петра и впервые подумала, что за безупречными манерами и неизменной сдержанностью

скрывается человек, которому, возможно, куда чаще приходилось отказываться от собственных желаний, чем говорить о них вслух.

— Позвольте задать вам один вопрос, Елизавета Алексеевна.

— Если смогу ответить.

Петр на мгновение задумался, словно не был уверен, стоит ли продолжать этот разговор.

— Вы счастливы?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Елизавета слегка удивилась и, прежде чем ответить, посмотрела на спокойную гладь пруда, где солнечные блики медленно скользили по воде.

— Думаю, да.

— Вы ответили не сразу.

Она улыбнулась.

— Потому что счастье редко замечаешь в ту минуту, когда оно рядом. Обычно человек понимает, что был счастлив, лишь оглянувшись назад.

Петр задумчиво кивнул.

— Значит, вы уже научились ценить настоящее.

— Стараюсь.

Она ненадолго замолчала, а затем тихо добавила:

— Папенька часто говорит, что благодарность делает человека счастливее любых обстоятельств.

— Мудрые слова.

— Он вообще редко говорит что-то случайно.

Петр улыбнулся.

— Это я уже успел заметить.

Лодка плавно скользила вдоль зарослей старых ив. Их длинные ветви почти касались воды, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую листву, ложились на лицо Елизаветы живыми золотистыми пятнами. Она машинально подняла руку, отводя выбившийся локон, и на одно короткое мгновение Петр поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел столь удивительного сочетания простоты и благородства.

Он почти сразу отвел взгляд.

— Простите, если мой вопрос показался вам слишком личным.

— Нет.

Елизавета покачала головой.

— Просто о счастье редко спрашивают всерьез.

— А мне кажется, это один из немногих вопросов, который действительно имеет значение.

Она внимательно посмотрела на великого князя.

— Вы сами счастливы?

Теперь уже он не спешил с ответом.

Лишь спустя несколько секунд на его лице появилась спокойная улыбка.

— Иногда.

Елизавета почувствовала, что за этим коротким словом скрывается гораздо больше, чем он готов произнести вслух.

Она не стала расспрашивать.

Петр был благодарен ей за это молчание.

Не каждый человек понимает, что бывают вопросы, на которые уважение отвечает лучше любых слов.

Впереди неожиданно раздался звонкий голос Ксении.

— Господа! Если вы намерены весь день любоваться пейзажами, то предупреждаю заранее: мы уже почти добрались до острова!

Все невольно рассмеялись.

Лодки постепенно сближались, вновь превращаясь в одну веселую компанию. София, увидев Елизавету, радостно замахала рукой, едва не потеряв шляпку, Михаил что-то оживленно рассказывал Николаю, а Сергей, заметив, что лодка великого князя подходит ближе, лишь спокойно улыбнулся, словно и не позволил себе ни единой тревожной мысли за все время этой прогулки.

Елизавета ответила ему такой же спокойной улыбкой.

И только Петр, проследив за этим коротким обменом взглядами, вдруг понял, что начинает сожалеть о том, чему еще утром не придавал никакого значения.

Наконец великий князь нарушил молчание.

— Позвольте задать вам еще один вопрос, Елизавета Алексеевна.

— Как вам будет угодно, ваше высочество.

— Вы никогда не задумывались о будущем?

Елизавета улыбнулась.

— Разумеется, задумывалась.

— И каким вы его представляете?

Она ненадолго задумалась, всматриваясь в спокойную гладь пруда.

— Счастливым.

На губах Петра появилась легкая улыбка.

— Очень женский ответ.

— А каким, по-вашему, должен быть правильный?

— Более... определенным.

Елизавета мягко покачала головой.

— Не уверена. Если начать расписывать свою жизнь на годы вперед, судьба непременно найдет способ посмеяться над подобными планами.

— Значит, вы верите в судьбу?

— Скорее, в Промысл Божий.

Ответ прозвучал так спокойно и естественно, что Петр невольно задержал на ней взгляд.

— Стало быть, вы полагаете, что путь человека уже предопределен?

— Нет, вовсе нет. Мне кажется, Господь открывает перед человеком множество дорог, но идти по одной из них приходится нам самим.

Великий князь медленно кивнул.

— Любопытно... Именно такой ответ я и ожидал услышать.

Елизавета удивленно посмотрела на него.

— Отчего же?

— Потому что вы никогда не говорите того, что от вас ожидают.

Она улыбнулась.

— Разве это недостаток?

— Напротив. Думаю, именно это мне в вас нравится больше всего.

Улыбка постепенно исчезла с лица Лизет. Она уже понимала, к чему незаметно ведет этот разговор, тогда как Петр, казалось, вовсе не замечал ее смущения или сознательно не хотел замечать.

— За последние недели я довольно часто думал о вас, — произнес он тем же спокойным голосом. — Не считите мои слова дерзостью, но мне кажется, что рядом со мной вы могли бы быть счастливы.

Елизавета медленно подняла глаза. Теперь она смотрела на него серьезно, без привычной улыбки и без малейшего кокетства.

— Ваше Императорское Высочество...

— Позвольте мне закончить.

Она молча кивнула.

— Вы принадлежите к одному из самых достойных семейств империи, прекрасно воспитаны, умны и пользуетесь искренней любовью при дворе. Признаться, я редко встречал женщину, с которой мне хотелось бы беседовать так долго, и потому мне кажется, что со временем из нас могла бы по-

лучиться счастливая семья.

Лодка продолжала неторопливо скользить по зеркальной глади пруда. Нарушаемая лишь мерным плеском весел, тишина между ними становилась все глубже. Петр терпеливо ждал ответа, не торопя девушку.

Наконец Елизавета тихо произнесла:

— Вы оказали мне большую честь...

Именно слово «честь» заставило великого князя насторожиться. Она не сказала ни «радость», ни «счастье», и уже одного этого было достаточно, чтобы понять: дальнейшие слова вряд ли оправдают его надежды.

— Однако, — продолжила она после короткой паузы, — мне кажется, мы слишком по-разному смотрим на саму сущность брака.

Петр слегка нахмурился.

— В каком смысле?

— Простите мою откровенность.

— Я сам просил вас быть откровенной.

Елизавета опустила взгляд на тонкое золотое кольцо, которое машинально повернула на пальце.

— Вы назвали немало причин, по которым наш союз мог бы показаться разумным.

— Разве этого недостаточно?

Она подняла глаза. В ее взгляде не было ни вызова, ни упрямства, а лишь спокойная внутренняя убежденность.

— Для государства, быть может, этого действительно до-

статочно. Но для семьи... нет. Я не смогла бы выйти замуж только потому, что такой брак сочли удачным.

Петр долго смотрел на нее, прежде чем тихо спросить:

— Даже если человек, сделавший предложение, искренне любит вас?

Лизет ответила не сразу.

— Любовь - это дуэт двух сердец. Полагаю, если один любит, а другой лишь принимает эту любовь, то брак станет сущим наказанием для обоих.

Петр отвел взгляд. За долгие годы ему редко возражали, а если и возражали, то обычно резко или поспешно. Елизавета же отказала иначе: спокойно, уважительно, не нарушив ни одного правила приличия и вместе с тем, не оставив ни малейшей возможности для спора.

Неожиданно он улыбнулся.

— Теперь я начинаю понимать, почему Ксения говорит, что вас невозможно переубедить, если вы уже приняли решение.

Елизавета тихо рассмеялась.

— Боюсь, она сильно преувеличивает.

— Напротив, — мягко ответил Петр. — Мне кажется, она удивительно точно вас понимает.

Лизет тихо рассмеялась.

Петр посмотрел на нее уже совсем иначе. В его взгляде появилось искреннее уважение, а вместе с ним, пожалуй, и еще больший интерес, чем прежде, ведь впервые в жизни он

встретил женщину, которую невозможно было покорить одним лишь именем Романовых.

Когда лодка мягко коснулась деревянного настила, старый лодочник ловко выпрыгнул на причал, придержал суденышко и с почтительным поклоном подал знак, что можно выходить. Петр первым ступил на берег и, следуя всем правилам хорошего тона, протянул руку Елизавете. Она приняла ее, поблагодарила легким наклоном головы и тотчас отпустила, едва ее туфельки коснулись теплых досок пристани.

Со стороны могло показаться, что не произошло ровным счетом ничего. Однако Лизет чувствовала странную тяжесть, словно завершился не короткий разговор, а долгий и непростой спор, оставивший в душе след.

Великий князь тоже молчал. Он не пытался продолжить беседу, не искал повода задержать девушку рядом еще хотя бы на несколько минут и не позволил себе ни единого жеста, который мог бы поставить ее в неловкое положение перед окружающими. Лишь когда они поднялись на аллею, он негромко произнес:

— Благодарю вас за откровенность, Елизавета Алексеевна.

Она остановилась и внимательно посмотрела на него.

— Надеюсь, мои слова не показались вам дерзкими.

Петр покачал головой, и на его лице появилась едва заметная улыбка.

— Напротив. Дерзость всегда говорит громко, тогда как

искренность почти неизменно звучит тихо.

С этими словами он поклонился и направился навстречу государю, который уже о чем-то оживленно беседовал с министром двора.

Елизавета еще несколько секунд смотрела ему вслед, пока знакомый голос не вывел ее из задумчивости.

— Лизет.

Она вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял Сергей. Он не улыбался с той открытой беззаботностью, к которой она уже успела привыкнуть. Напротив, он внимательно всматривался в ее лицо, словно пытался понять, отчего за столь короткое время оно стало таким задумчивым.

— Простите... — немного смутившись, произнес он. — Мне показалось, что вы устали.

Елизавета опустила глаза.

— Немного.

— Тогда позвольте задать вам один нескромный вопрос.

Она подняла на него взгляд.

— Какой?

— Не хотите ли немного пройтись? Без игр, без компании... просто по аллее, если, конечно, это не нарушит ваших планов.

В его голосе не было ни настойчивости, ни тревоги, только спокойное участие, и именно оно неожиданно показалось Лизет удивительно теплым.

Она уже собиралась ответить, когда неподалеку раздался звонкий голос Ксении:

— Сергей Павлович!

Оба одновременно обернулись.

Великая княжна быстро шла к ним, придерживая широкополую шляпу, которую ветер то и дело пытался сорвать с головы.

— Вот вы где!

Остановившись рядом, она с нарочито укоризненным видом посмотрела сначала на графа, затем на подругу.

— А я уже решила, что вы оба тайно сбежали в монастырь.

Сергей рассмеялся.

— Почему именно в монастырь?

— Потому что только там можно разговаривать с такими серьезными лицами в столь чудесный день.

Она внимательно посмотрела на Лизет. Одного короткого взгляда оказалось достаточно. За долгие годы дружбы Ксения научилась замечать малейшую перемену в ее настроении, однако, вопреки своему любопытству, не задала ни единого вопроса, а лишь едва заметно коснулась локтя подруги. Это прикосновение было почти невесомым, но Елизавета сразу поняла его смысл.

«Я рядом».

— Господа! — донесся с противоположной стороны лужайки веселый голос Николая. — Если вы намерены весь день любоваться прудом, предупреждаю: мы уже начинаем

состязание по стрельбе!

— Кто последний, тот оплачивает мороженое! — тотчас крикнул Михаил.

— С чего вдруг? — возмутилась Ксения.

— Потому что эту замечательную мысль предложил я.

— В таком случае платить должен именно ты.

— Это вопиющее нарушение законов логики.

— Каких именно?

— Моих.

По парку снова прокатился дружный смех.

Лизет невольно улыбнулась, и Сергей заметил это первым. Ему вдруг пришло в голову, что нет на свете ничего дороже этой улыбки вовсе не потому, что она была необыкновенно красивой, а потому, что появлялась лишь тогда, когда девушка действительно забывала обо всем остальном и становилась самой собой.

Вдали, у самой кромки лужайки, Петр на мгновение остановился и, обернувшись, снова отыскал взглядом Елизавету. Теперь она смеялась над очередной шуткой Михаила, а рядом стоял Сергей, слушавший ее с тем спокойным и внимательным участием, которого невозможно было добиться одной лишь учтивостью. Великий князь медленно отвел глаза. Он еще не проиграл, но впервые в жизни понял, что существуют вещи, которых нельзя добиться ни высоким положением, ни именем, ни самым терпеливым ожиданием, и это открытие оказалось для него неожиданно горьким.

После прогулки по пруду игры продолжились с прежним оживлением. На просторной лужайке уже расставили деревянные мишени для стрельбы, неподалеку лакеи раскладывали на длинных столах корзины с фруктами и прохладительными напитками, а под тенью старых дубов придворные дамы удобно расположились в плетеных креслах, наблюдая за молодежью.

Императрица беседовала с графиней Шуваловой и княгиней Голицыной, время от времени улыбаясь особенно удачным шуткам Ксении, которая, казалось, не могла усидеть на одном месте дольше нескольких минут. Наталья Сергеевна тоже присоединилась к дамам. Она почти незаметно следила за детьми, не вмешиваясь в их разговоры, но ее материнский взгляд неизменно находил сначала Елизавету, потом Михаила и, наконец, Софию, успевшую собрать вокруг себя целую компанию детей и с самым серьезным видом рассказывавшую им историю о том, как прошлой зимой пыталась научить любимого пони открывать двери.

— Ваши дети удивительно разные, Наталья Сергеевна, — заметила графиня Шувалова.

— Именно поэтому дома никогда не бывает скучно, — с улыбкой ответила она.

Княгиня Голицына понимающе кивнула.

— А Елизавета... признаюсь, я давно не встречала столь воспитанной молодой девушки. Неудивительно, что сегодня вокруг нее собралась едва ли не половина молодых людей

Петербурга.

Наталья Сергеевна тихо рассмеялась.

— Боюсь, моя дочь сейчас меньше всего думает об этом.

— Именно поэтому и думают о ней.

Неподалеку император наблюдал за состязанием молодых офицеров. К немалому удовольствию государя, Михаил промахнулся по мишени настолько убедительно, что пуля ударила в деревянный столб далеко в стороне.

— Алексей Николаевич, — смеясь, заметил Александр Александрович, — если ваш сын когда-нибудь пойдет в артиллерию, противнику можно будет не опасаться.

Министр невозмутимо поклонился.

— Государь, зато он непременно поразит всех своим красноречием.

Даже сам Михаил не удержался от смеха.

— Папенька!

— Что поделать, сын мой, правда иногда метит точнее любой пули.

Общий смех заглушил его протесты, а праздник тем временем продолжался своим чередом. Ксения уже увлекла Николая играть в крокет, Ольга беседовала с фрейлинами, и лишь Елизавета незаметно отошла к аллее, где старые липы образовывали прохладный зеленый свод.

Она остановилась возле белой мраморной балюстрады, откуда открывался вид на пруд. Хотя шум праздника по-прежнему доносился совсем близко, здесь он звучал приглу-

шенно, словно сам парк оберегал этот тихий уголок от суеты.

Через несколько минут за спиной послышались шаги.

— Позвольте?

Елизавета обернулась.

Перед ней стоял Сергей.

— Конечно.

Некоторое время они просто шли рядом. В этом молчании не было ни смущения, ни неловкости, ни необходимости во что бы то ни стало поддерживать разговор. Они уже успели привыкнуть к тому, что рядом друг с другом слова далеко не всегда бывают нужны.

Легкий ветер пробежал по верхушкам лип, и из высокой прически Елизаветы выбилась тонкая светлая прядь, упавшая ей на щеку. Она машинально попыталась убрать ее, но ветер снова вернул непослушный локон на прежнее место.

Сергей невольно улыбнулся.

— Кажется, сегодня ветер решил с вами поспорить.

Лизет тоже улыбнулась.

— Похоже, он твердо намерен победить.

Она вновь подняла руку, однако и на этот раз безуспешно. Сергей хотел что-то сказать, но остановился, словно несколько секунд спорил сам с собой. Наконец он очень тихо произнес:

— Простите...

Елизавета вопросительно посмотрела на него.

Он не сделал ни единого движения, лишь встретился с ней

взглядом, и в этом взгляде было столько осторожности и уважения, что казалось, он просил позволения без единого слова.

Лизет едва заметно кивнула.

Лишь после этого Сергей медленно поднял руку и кончиками пальцев осторожно отвел выбившийся локон, бережно убрав его за ее ухо. Прикосновение длилось не больше мгновения, но он сразу же отступил на полшага, словно испугался собственной смелости.

Этого короткого мгновения оказалось достаточно.

Елизавета вдруг почувствовала, как сердце сбилось с привычного ритма. Ей показалось, что весь мир неожиданно стих, оставив лишь шелест лип над головой, едва различимое собственное дыхание и странное ощущение тепла, которое уже исчезло, но все еще жило в памяти.

Первым нарушил молчание Сергей.

— Простите меня. Вероятно... мне не следовало...

В его голосе звучало искреннее смущение.

Елизавета медленно подняла глаза. На его лице не было ни тени самодовольства человека, позволившего себе дерзость; лишь тревога и опасение, что он мог поставить ее в неловкое положение. Именно это неожиданно тронуло Лизет гораздо сильнее самого прикосновения.

Она тихо улыбнулась.

— Нет, Сергей Павлович. Не следовало только ветру.

Он облегченно рассмеялся, и вслед за ним рассмеялась

она.

В нескольких десятках шагов, скрытые густой листвой, по-прежнему звучали голоса, смех и музыка большого летнего праздника, не подозревавшего, что в тени старых лип только что произошло событие, которое оба будут помнить гораздо дольше всех игр, пикников и торжеств того счастливого лета.

Когда Елизавета и Сергей вернулись на лужайку, праздник уже разгорелся с новой силой. Под раскидистыми дубами лакеи расставили складные столики с прохладительными напитками и серебряными подносами, наполненными вишней, абрикосами и клубникой, чуть поодаль молодые офицеры горячо спорили о том, кто первым поразит самую дальнюю мишень, а несколько пожилых генералов с нескрываемым удовольствием наблюдали за этим состязанием, прекрасно понимая, что молодежь неизменно переоценивает собственное мастерство.

Император стоял возле стрелкового рубежа, беседуя с военным министром и Алексеем Николаевичем.

Увидев дочь, Наталья Сергеевна подозвала ее.

— Лизет, дитя мое, подойди.

Елизавета приблизилась, и мать с той естественной заботой, которая свойственна лишь любящим женщинам, едва заметно поправила кружевной воротник ее платья.

— Ты опять совсем растрепалась.

Лизет улыбнулась.

— Это ветер виноват, маменька.

— Разумеется. Ветер, скачки, прогулки... Ты никогда не признаешь собственной вины.

Елизавета тихо рассмеялась.

— Не признаю.

— Вот и хорошо.

Наталья Сергеевна с нежностью коснулась ее руки.

— Иногда молодым девушкам даже полезно хоть ненадолго забывать о безупречных манерах.

В эту минуту над лужайкой разнесся звонкий голос Ксении.

— Господа!

Все невольно обернулись.

Великая княжна стояла возле деревянных мишеней, держа в руках небольшой дамский пистолет, и выглядела так решительно, словно собиралась объявить начало настоящего военного похода.

— Позвольте узнать, отчего это мужчины считают стрельбу исключительно своим занятием?

Молодые офицеры переглянулись.

— Мы вовсе так не считаем, Ваше Императорское Высочество, — с улыбкой ответил один из них.

— Неужели?

Ксения лукаво прищурилась.

— Тогда предлагаю немедленно это проверить.

Николай, уже догадываясь, к чему ведет сестра, тихо рас-

смеялся.

— Ксюша...

— Что?

— Ну полно тебе.

— Поздно.

Она победно улыбнулась.

— Я уже начала.

Императрица покачала головой.

— Ксения, что ты опять задумала?

— Самую справедливую вещь на свете, маменька.

Театрально разведя руками, она громко объявила:

— Мужчины против дам!

На несколько секунд над лужайкой повисла тишина, которую почти сразу нарушили одобрительные возгласы молодых офицеров.

— Прекрасная мысль!

— Мы согласны!

— Принимаем вызов!

Императрица с улыбкой посмотрела на мужа.

— Александр...

Государь уже смеялся.

— А почему бы и нет?

Повернувшись к дочери, он добавил:

— Только предупреждаю: если проиграете, никакого снисхождения.

Ксения возмущенно прижала руку к груди.

— Государь! Неужели вы сомневаетесь в собственной дочери?

— Именно потому и сомневаюсь.

По лужайке снова прокатился дружный смех.

Ксения уже распоряжалась с видом полководца, готовящего решающее сражение.

— Итак, — объявила она, загибая пальцы, — за дам выступаем мы с Лизет...

— Я тоже! — раздался звонкий голос Софии.

Все дружно обернулись.

Михаил громко фыркнул.

— Соня, тебе всего четырнадцать лет.

— И что с того?

— Хотя бы то, что пистолет ты держала в руках куда реже, чем книгу.

София сердито вскинула подбородок.

— Зато книга ни разу не стреляла.

Даже пожилые генералы не смогли сдержать улыбок, а император, довольно хлопнув себя по колену, весело воскликнул:

— Вот это ответ!

Наталья Сергеевна лишь покачала головой, стараясь скрыть улыбку.

— Государь, прошу вас, не поощряйте ее.

— Почему же?

— Потому что потом она непременно станет уверять всех,

что ее поддержал сам император.

— Так и скажу! — с готовностью подтвердила София.

— Вот видите? — с притворным отчаянием произнесла мать.

Александр Александрович рассмеялся.

— Алексей Николаевич, боюсь, младшая дочь унаследовала ваше красноречие.

Министр, не сводя ласкового взгляда с Софии, спокойно ответил:

— Если это действительно так, государь, остается лишь надеяться, что вместе с ним она унаследует и благоразумие.

— В этом я пока не вполне уверен, — лукаво заметил император.

Новый взрыв смеха прокатился по лужайке, а Ксения тем временем уже распределяла команды.

— За дам выступают я, Лизет, Ольга, графиня Оболенская и княжна Долгорукова...

Она ненадолго задумалась.

— И...

София уже открыла рот, готовясь напомнить о себе.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты будешь нашим главным вдохновителем.

София просияла.

— Это даже лучше!

Ксения торжествующе повернулась к молодым людям.

— А теперь, господа, можете выбрать своих лучших стрелков. Только потом не говорите, что вас не предупреждали.

Сергей Варламов сделал шаг вперед и, почтительно поклонившись, с самым серьезным видом произнес:

— От имени мужской половины общества заявляю, что мы принимаем вызов.

— Даже если проиграете?

— Особенно если проиграем.

— Как благородно.

— Мы воспитывались в хороших семьях.

— Это мы еще проверим.

Император поднял руку, призывая всех к тишине. В его глазах светилось то мальчишеское озорство, которое появлялось всякий раз, когда официальное мероприятие неожиданно превращалось в настоящий семейный праздник.

— Господа! Сегодня проигравшие исполняют желание победителей.

По лужайке прокатился оживленный гул.

Ксения подозрительно прищурилась.

— Государь... вы ведь сейчас совершенно не подумали о последствиях?

— Подумал.

— И не испугались?

Император широко улыбнулся.

— Ксения, я давно понял одну вещь: опасаться следует не

революций и не иностранных держав, а собственной дочери, если ей вдруг приходит в голову очередная блестящая идея.

— Это клевета, — с достоинством заявила Ксения, однако веселый блеск в ее глазах выдавал, что слова отца доставили ей искреннее удовольствие.

— Неужели?

— Разумеется. Все мои идеи исключительно полезны для государства.

— Особенно для государственного спокойствия, — невозмутимо заметил Николай.

— Оно иногда слишком спокойно, — парировала княжна.

Императрица, обменявшись с мужем понимающим взглядом, только тихо рассмеялась.

— Александр, боюсь, спорить с ней совершенно бесполезно.

— Дорогая моя, — ответил государь, — я оставил подобные попытки еще несколько лет назад.

Ксения торжествующе улыбнулась.

— Вот видите? Даже папенька признает мое превосходство.

— Нет, — спокойно возразил император. — Я лишь признаю собственное благоразумие.

Ответ вызвал новый взрыв смеха, и даже Ксения не удержалась, первой рассмеявшись над удачной шуткой.

Государь сделал приглашающий жест в сторону мишеней.

— Что ж, господа, раз условия приняты обеими сторона-

ми, остается лишь выяснить, кому сегодня будет сопутствовать удача.

Молодые офицеры тотчас направились к стрелковому рубежу. Лакеи уже приготовили пистолеты, разложив их на покрытом зеленым сукном столе, а рядом стояли небольшие ящики с патронами. Несколько пожилых генералов, до сих пор наблюдавших за происходящим с добродушной улыбкой, теперь оживились и начали обсуждать достоинства оружия с тем видом, какой бывает только у людей, посвятивших военному делу всю жизнь.

Ксения тем временем внимательно оглядела свою команду.

— Господа, предупреждаю сразу: если мы проиграем, виноватой останусь не я.

— Почему именно вы? — с улыбкой спросила Ольга.

— Потому что командиров всегда обвиняют первыми.

— А если выиграем?

— Тогда, разумеется, вся слава достанется исключительно мне.

— Очень справедливо, — рассмеялась Елизавета.

— Разве нет?

— По меньшей мере честно.

— Вот именно.

Сергей, услышав этот разговор, едва заметно улыбнулся.

— Ваше Императорское Высочество, смею заметить, что против столь опытного полководца нам придется нелегко.

Ксения с самым серьезным видом склонила голову.

— Благодарю, граф. Мне приятно, что противник заранее признает наше превосходство.

— Я лишь признаю вашу способность вселять уверенность в собственных войсках.

— И совершенно справедливо.

Николай подошел ближе и, покачав головой, негромко произнес:

— Ксюша, иногда мне кажется, что ты смогла бы выиграть сражение, даже не начиная его.

— Разумеется.

Она пожала плечами так, словно речь шла о чем-то совершенно очевидном.

— Зачем тратить силы, если противника можно убедить капитулировать заранее?

Император рассмеялся.

— Алексей Николаевич, боюсь, если бы моя дочь родилась мужчиной, она непременно попыталась бы стать фельд-маршалом.

Министр почтительно улыбнулся.

— Государь, смею предположить, что в таком случае она бы им стала.

— Вот видите! — торжествующе воскликнула Ксения. — Наконец-то нашелся человек, который меня понимает.

— Ошибаетесь, — спокойно возразил Александр Александрович. — Алексей Николаевич всего лишь умеет быть

осторожным.

Все снова рассмеялись.

Пока продолжался этот веселый обмен шутками, лакеи закончили приготовления. Мишени были установлены, оружие проверено, и начальник дворцовой охраны, выступив вперед, почтительно доложил:

— Государь, все готово.

Император удовлетворенно кивнул.

— В таком случае прошу участников занять свои места.

На лужайке сразу стало тише. Даже те, кто еще минуту назад громко смеялся, теперь с любопытством ожидали начала состязания. Молодые офицеры переговаривались вполголоса, дамы с интересом наблюдали за приготовлениями, а София, вытянув шею, старалась не упустить ни одной подробности.

— Лизет, — тихо сказала Ксения, подходя к подруге, — надеюсь, ты не собираешься щадить господ?

Елизавета улыбнулась.

— Боюсь, это зависит не столько от моего желания, сколько от моей меткости.

— Скромность украшает женщину, — с важным видом заметила Ксения, — но сегодня она совершенно ни к чему.

Лизет тихо рассмеялась.

— Тогда постараюсь оправдать доверие нашего полководца.

— Вот теперь узнаю свою команду.

Ксения первой заняла свое место у стрелкового рубежа. Ловко приняв из рук лакея небольшой дамский пистолет, она с таким сосредоточенным видом осмотрела оружие, словно собиралась участвовать не в дружеском состязании, а в настоящих армейских учениях.

— Господа, — объявила она, — прошу не отвлекать меня разговорами. История знает немало примеров, когда великие полководцы терпели поражение исключительно из-за болтливых советчиков.

— История знает и другие примеры, — невозмутимо заметил Николай. — Некоторые полководцы проигрывали потому, что слишком много говорили сами.

Ксения бросила на брата выразительный взгляд.

— Николай Александрович, вы с самого начала ведете себя подозрительно.

— Чем же?

— Слишком часто переходите на сторону противника.

— Я лишь стараюсь быть объективным.

— Это крайне неудобное качество.

Все снова рассмеялись.

Император, с трудом скрывая улыбку, сделал знак начинать.

Ксения подняла пистолет. Несколько мгновений она стояла совершенно неподвижно, затем плавно нажала на спусковой крючок.

Выстрел раскатился над парком, вспугнув стайку птиц.

Через секунду слышались аплодисменты.

Пуля легла совсем рядом с центром мишени.

— Bravo! — первым воскликнул государь.

Ксения победно поклонилась публике.

— Прошу заметить, господа, это только начало.

Следующей стреляла княжна Долгорукова. Ее выстрел оказался менее удачным, однако тоже принес команде хорошие очки.

Потом настала очередь графини Оболенской, а вслед за ней к рубежу подошла Ольга.

Она держала пистолет спокойно и уверенно, без малейшего волнения. Выстрел прозвучал почти сразу, и мишень вновь встретила его дружными одобрительными возгласами.

— Кажется, дамы сегодня настроены весьма решительно, — заметил один из генералов.

— Я предупреждала, — торжествующе произнесла Ксения.

Михаил театрально вздохнул.

— Господа, по-моему, нас начинают теснить.

— Пока еще нет, — спокойно ответил Сергей, не сводя взгляда с Елизаветы.

Ксения тут же это заметила.

— Сергей Павлович!

— Да, Ваше Императорское Высочество?

— Не забывайте, что сейчас следует смотреть на мишени, а не на наших стрелков.

По лужайке прокатился новый взрыв смеха.

Сергей слегка покраснел, однако не растерялся.

— Боюсь, Ваше Высочество, некоторые мишени привлекают гораздо сильнее остальных.

— Какой опасный ответ, — лукаво заметила Ксения. — Кажется, после сегодняшнего дня мне придется внимательно следить за нашей командой.

Елизавета смущенно опустила глаза.

Императрица обменялась с Натальей Сергеевной быстрым взглядом и едва заметно улыбнулась, а государь, словно ничего не замечая, продолжал наблюдать за состязанием с тем добродушным интересом, который делал его в кругу семьи совсем не похожим на грозного самодержца.

Наконец очередь дошла до Елизаветы.

Лакей почтительно подал ей пистолет.

Она спокойно поблагодарила его, подошла к линии огня и несколько секунд внимательно смотрела на мишень. Вокруг неожиданно стало очень тихо. Даже Ксения перестала шутить, а София, затаив дыхание, с волнением следила за каждым движением сестры.

Елизавета медленно подняла руку.

На ее лице не было ни тени волнения. Казалось, она просто перестала замечать все вокруг: шум парка, голоса гостей, любопытные взгляды и даже легкий ветер, продолжавший играть листвой над головой.

Раздался выстрел.

На мгновение повисла тишина.

Потом один из офицеров, стоявших возле мишени, громко объявил:

— Почти самый центр!

По лужайке прокатились громкие аплодисменты.

София первой захлопала в ладоши.

— Я же говорила! Я знала!

Ксения подбежала к Лизет и крепко обняла ее.

— Вот теперь я совершенно спокойна.

— Почему?

— Потому что с таким стрелком мы просто не имеем права проиграть.

Сергей проводил Елизавету взглядом, в котором восхищения было заметно больше, чем он сам позволил бы себе показать. Она же, возвращая лакею пистолет, выглядела совершенно спокойной, словно только что не сделала один из лучших выстрелов сегодняшнего дня.

— Лизет, — с улыбкой произнесла Ксения, — признавайся честно, где ты успела так научиться стрелять?

Елизавета пожала плечами.

— Папенька всегда говорил, что дворянину следует уметь обращаться с оружием независимо от того, мужчина он или женщина.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнула Ксения, оборачиваясь к Николаю. — Теперь ты понимаешь, почему я столько лет уговаривала тебя не смеяться над моими упраж-

нениями?

— Я и не смеялся.

— Нет, смеялся.

— Лишь однажды.

— Каждый раз.

Император добродушно покачал головой.

— Ксения, боюсь, в споре с тобой невозможно выиграть.

— Наконец-то вы это признали, папенька.

— Я признал это много лет назад.

Общий смех снова прокатился по лужайке.

Теперь настала очередь молодых людей.

Первым к линии огня вышел Николай. Он уверенно взял пистолет, коротко прицелился и почти сразу выстрелил.

— Центр! — громко объявил офицер, стоявший возле мишени.

— Так нечестно, — вздохнула Ксения. — Он слишком долго тренировался.

— Завидуешь?

— Разумеется.

Следом выступили еще несколько офицеров, показав весьма достойные результаты, однако зрители с особенным нетерпением ожидали выхода Сергея Варламова.

Он подошел к рубежу спокойно, без малейшей поспешности. Почтительно приняв оружие из рук лакея, граф несколько секунд молча смотрел на мишень, словно мысленно отсекал все, что происходило вокруг.

Елизавета неожиданно поймала себя на том, что наблюдает за ним с куда большим волнением, чем следовало бы.

Выстрел прозвучал неожиданно резко.

Несколько секунд все молчали.

Потом возле мишени поднялся одобрителный шум.

— В самый центр! — объявил офицер.

По лужайке прокатились громкие аплодисменты.

Ксения театрально всплеснула руками.

— Вот теперь мне это уже совсем не нравится.

— Почему? — с улыбкой спросил Сергей.

— Потому что вы решили испортить наше триумфальное шествие.

— Я всего лишь стараюсь не подвести свою команду.

— Какой вы благоразумный человек.

— Приходится.

Император с явным удовольствием следил за этим дружеским состязанием.

— Алексей Николаевич, — сказал он, обращаясь к министру, — мне начинает казаться, что нынешняя молодежь стреляет куда лучше нашего поколения.

Министр улыбнулся.

— Государь, возможно, потому, что им пока еще не приходилось стрелять по-настоящему.

Улыбка на лице Александра Александровича стала задумчивее.

— Дай Бог, чтобы и не пришлось.

На несколько мгновений над лужайкой воцарилась тишина.

Слова государя прозвучали совсем просто, без всякого пафоса, однако многие невольно задумались. Молодые люди еще смеялись, спорили и радовались удачным выстрелам, не подозревая, что впереди их ждет век, который заставит слишком многих из них взять оружие уже не ради игры.

Но это чувство длилось лишь одно короткое мгновение. Ксения первой нарушила молчание.

— Итак, господа, если вы намерены побеждать нас с таким усердием, придется назначить решающий выстрел.

— Решающий? — переспросил Николай.

— Разумеется. Настоящее состязание не может закончиться без финала.

Она хитро улыбнулась и, окинув взглядом обе команды, объявила:

— Пусть от каждой стороны стреляет по одному человеку. Если победят дамы, господа исполнят любое наше желание. Если же выиграют мужчины... мы великодушно подумаем, стоит ли выполнять их просьбу.

— Какая поразительная справедливость, — рассмеялся Сергей.

— Я старалась.

— И кто же будет стрелять? — спросил Николай.

Ксения, не раздумывая ни секунды, повернулась к Елизавете.

— Разумеется, Лизет.

Все взгляды тотчас обратились к ней.

Елизавета растерянно улыбнулась.

— Почему именно я?

— Потому что ты сегодня стреляла лучше всех нас, — уверенно ответила Ксения. — Кроме того, я совершенно не намерена рисковать победой.

— Какое трогательное доверие, — заметил Николай.

— Оно основано исключительно на здравом смысле.

— И ни капли на дружбе?

— Дружба дружбой, а состязание состязанием.

Все рассмеялись.

Император с интересом наблюдал за этим спором.

— Что ж, господа, выбор дам понятен. Осталось узнать, кто будет защищать честь мужской команды.

Несколько молодых офицеров почти одновременно повернулись к Сергею.

Михаил первым нарушил молчание.

— По-моему, здесь и выбирать нечего.

— Полностью согласен, — поддержал его Николай. — После сегодняшних выстрелов только Сергей Павлович способен составить достойное соперничество Елизавете Алексеевне.

Сергей покачал головой.

— Господа, мне кажется, вы несколько переоцениваете мои способности.

— Скрамность вам очень к лицу, — заметила Ксения, — но сейчас она совершенно неуместна.

Император улыбунулся.

— Граф Варламов, похоже, отступать уже поздно.

Сергей почтительно поклонился.

— В таком случае постараюсь оправдать оказанное доверие.

— Вот и прекрасно, — с удовлетворением произнес государь. — Значит, судьбу сегодняшнего состязания решит последний выстрел.

По лужайке пробежало оживление. Лакеи поспешили заменить мишень новой, без единого отверстия, а зрители начали подходить ближе. Даже пожилые дамы, до сих пор спокойно беседовавшие под деревьями, теперь поднялись со своих мест, не желая пропустить развязку.

София, волнуясь едва ли не сильнее самой сестры, крепко сжала руки.

— Лизет обязательно победит.

Михаил улыбунулся.

— Осторожнее с такими заявлениями. Сергей Павлович тоже стреляет превосходно.

— Все равно победит.

— Почему ты так уверена?

Девочка посмотрела на брата с таким видом, словно ответ был совершенно очевиден.

— Потому что она моя сестра.

Михаил рассмеялся и ласково потрепал ее по плечу.

— Очень убедительный довод.

Тем временем начальник дворцовой охраны вынес небольшой деревянный ящик, в котором лежали два одинаковых пистолета.

— Государь, оружие подготовлено.

Александр Александрович подошел ближе и внимательно осмотрел оба пистолета.

— Прекрасно. Чтобы никто не говорил о преимуществе одного оружия перед другим, участники сами выберут, из какого стрелять.

Он повернулся к Елизавете.

— Сударыня, право первого выбора принадлежит вам.

Лизет спокойно подошла к столику. Несколько секунд она рассматривала оба пистолета, после чего без всяких колебаний взяла тот, что лежал слева.

— Благодарю.

Сергей улыбнулся.

— Значит, мой выбор стал значительно проще.

Он взял второй пистолет.

— Прошу участников занять места, — объявил император.

На лужайке воцарилась почти полная тишина.

Даже ветер словно на мгновение стих, перестав тревожить листву старых дубов. Все взгляды были прикованы к двум молодым людям, стоявшим рядом у линии огня.

Ксения незаметно подошла к Николаю.

— Как думаешь, кто победит?

Он чуть улыбнулся.

— Не имею ни малейшего желания угадывать.

— Почему?

— Потому что в любом случае кто-то из них будет вынужден проиграть, а мне почему-то кажется, что сегодня ни одному из них этого совсем не хочется.

Ксения внимательно посмотрела сначала на Сергея, потом на Елизавету и неожиданно перестала улыбаться.

— Знаешь... мне кажется, ты прав.

Император сделал шаг вперед и, окинув взглядом обоих участников, с добродушной улыбкой произнес:

— Господа, полагаю, правила объяснять уже нет необходимости. Один выстрел решит исход нашего состязания, поэтому остается лишь пожелать обоим стрелкам удачи.

Елизавета и Сергей одновременно поклонились.

Лакей подал знак, после чего оба заняли свои места у линии огня.

На лужайке воцарилась такая тишина, что отчетливо слышалось, как в кронах старых дубов шелестит листва. Даже те, кто еще недавно оживленно переговаривался, теперь не сводили глаз с двух молодых людей, которым предстояло решить исход дружеского состязания.

Сергей неторопливо поднял пистолет. Он не торопился с выстрелом, спокойно прицелился и лишь спустя несколько

мгновений плавно нажал на спусковой крючок.

Грохот выстрела раскатился над парком.

Все взгляды тотчас обратились к мишени.

— Почти самый центр! — громко объявил офицер.

По лужайке прокатились одобрительные возгласы.

— Великолепно! — воскликнул один из генералов.

Император довольно кивнул.

— Прекрасный выстрел.

Сергей спокойно опустил пистолет и, передав его лакею, сделал шаг в сторону. На его лице не было ни самодовольства, ни волнения. Он лишь посмотрел на Елизавету и едва заметно улыбнулся, словно хотел сказать, что теперь очередь за ней.

Лизет глубоко вдохнула.

Она не чувствовала страха. Напротив, удивительное спокойствие постепенно охватывало ее, вытесняя все посторонние мысли. Перед глазами осталась только мишень, белевшая вдалеке, а все остальное словно перестало существовать.

Елизавета медленно подняла руку.

Со стороны казалось, будто она замерла.

Легкий ветерок шевельнул кружево на ее рукавах, солнечный луч скользнул по темному металлу пистолета, а где-то совсем рядом София так крепко сжала ладони, что даже перестала дышать.

Раздался выстрел.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

Потом возле мишени послышался удивленный возглас, и офицер, наклонившись вперед, еще раз внимательно посмотрел на пробоину.

— Прямо в центр!

Тишина длилась лишь одно короткое мгновение.

Затем парк наполнился аплодисментами и радостными возгласами.

София первой бросилась к сестре.

— Я знала! Я знала, что ты победишь!

Ксения почти сразу крепко обняла Елизавету.

— Блестяще, Лизет! Просто блестяще!

Император подошел ближе и, с нескрываемым удовольствием посмотрев сначала на мишень, затем на победительницу, одобрительно произнес:

— Признаться, сударыня, вы заставили господ всерьез пожалеть о том, что сегодня состязались именно с вами.

Молодые офицеры дружно рассмеялись.

Сергей подошел к Елизавете и почтительно поклонился.

— Поздравляю вас с заслуженной победой.

— Благодарю, Сергей Павлович.

— Должен признаться, я почти надеялся, что вы окажетесь менее меткой.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что проигрывать человеку, которым искренне

восхищаешься, значительно легче, чем побеждать его.

Елизавета почувствовала, как щеки вновь слегка вспыхнули.

К счастью, в эту минуту Ксения решительно хлопнула в ладоши, вновь привлекая к себе всеобщее внимание.

— Господа! Напоминаю, что государь собственноручно объявил условие состязания.

Она торжествующе посмотрела на молодых людей.

— Победенные исполняют желание победителей.

Николай театрально вздохнул.

— Боюсь представить, что сейчас последует.

— Не бойся, — с лукавой улыбкой ответила Ксения. — Все будет вполне прилично... почти.

Возвращение во дворец произошло почти незаметно. Вместе с вечерней прохладой словно возвращалась и привычная жизнь большого императорского дома. Исчезли пледы, лакеи быстро убрали корзины для пикника, а к широкому подъезду одна за другой подкатывали кареты. Вновь появились камердинеры, фрейлины, церемониймейстеры, офицеры караула, со всех сторон зазвучали спокойные распоряжения, и гости начали расходиться по своим покоем, чтобы переодеться к вечернему балу.

— Лизет!

София догнала сестру уже на мраморной лестнице.

— Я тоже пойду.

Елизавета ласково поправила выбившийся локон у нее на виске и с улыбкой покачала головой.

— Нет, милая. Сегодня нельзя.

— Почему?

— Потому что сегодня большой придворный бал. Будут иностранные послы, министры, весь петербургский свет. Это совсем другой вечер.

Соня тяжело вздохнула.

— Значит, опять будут долго танцевать и говорить о скучных вещах?

Ксения звонко рассмеялась.

— Представь себе, именно так.

— Тогда, может быть, я ничего не потеряла.

Лизет наклонилась и поцеловала ее в лоб.

— Тогда я дождусь тебя и заставлю рассказать абсолютно всё.

— Обещаю.

София недоверчиво прищурилась.

— И ни одной подробности не забудешь?

— Ни одной.

— Ты всегда так говоришь.

Через час дворец было невозможно узнать.

Казалось, кто-то одним движением стер теплый летний день, наполненный солнцем, смехом и запахом лип, заменив его торжественным великолепием Империи. Высокие зеркала отражали тысячи огней, хрустальные люстры осыпали зо-

лотым сиянием белоснежные колонны, а натертый до блеска паркет сверкал так ярко, словно по нему струился свет. Вдоль стен неподвижно замерли лакеи, камер-юнкеры встречали прибывающих гостей, а под сводами зала уже звучали первые величавые такты полонеза.

К парадному подъезду одна за другой подкатывали кареты. Из них выходили министры, сенаторы, генералы, дипломаты, дамы, осыпанные бриллиантами, великие князья и послы иностранных держав.

Все было безупречно.

Все дышало величием.

Все соответствовало строгому придворному порядку.

И именно теперь Елизавете вдруг стало трудно дышать.

Корсет был затянут не сильнее обычного, платье сидело безукоризненно, однако ей казалось, будто вместе с тяжелыми нитями жемчуга на плечи легла какая-то невидимая тяжесть. Медленно обеда взглядом огромный зал, она неожиданно поймала себя на мысли, что еще совсем недавно считала его вершиной красоты, тогда как теперь он напоминал великолепную театральную сцену, где каждый человек обязан играть заранее назначенную ему роль.

Она не сразу заметила, что за ней наблюдают.

У противоположной колонны стоял Петр, окруженный несколькими молодыми офицерами. Он смотрел на нее спокойно и внимательно, без улыбки, без настойчивости, но с такой сосредоточенностью, что Лизет невольно отвела глаза.

И впервые за весь день ей захотелось снова оказаться там, где шумели старые липы, смеялась София, а государь, забыв о собственном величии, сидел прямо на траве среди своих детей.

Полонез давно закончился, уступив место вальсам и кадрилиам, однако огромный Николаевский зал продолжал жить своей особенной жизнью. Хрустальные люстры осыпали золотистым светом белоснежные колонны, оркестр безукоризненно выводил знакомые мелодии, а сотни голосов сливались в ровный приглушенный гул, который казался таким же неотъемлемым украшением бала, как блеск орденов и драгоценностей.

Елизавета танцевала уже четвертый танец подряд. Она безукоризненно улыбалась, отвечала на любезности, склоняла голову именно тогда, когда этого требовал этикет, и благодарила кавалеров так, как ее учили с самого детства. Со стороны она выглядела воплощением спокойствия, и лишь Наталья Сергеевна, наблюдавшая за дочерью из круга придворных дам, замечала, что улыбка Лизет становилась все тише, а взгляд все чаще невольно устремлялся к высоким окнам, за которыми простиралась темная июньская ночь.

Когда смолкли последние аккорды очередного танца, Сергей Варламов почти сразу подошел к ней. Поклонившись без малейшей торопливости и без желания привлечь к себе внимание окружающих, он негромко произнес:

— Позвольте?

Елизавета ответила легким реверансом.

— С удовольствием, Сергей Павлович.

Оркестр вновь заиграл вальс.

Сергей вел уверенно и удивительно бережно. В его движениях не было ни стремления блеснуть мастерством, ни желания покорить публику. Казалось, он танцевал так, словно вокруг не существовало сотен внимательных глаз и бесчисленных придворных, готовых заметить любую ошибку.

Некоторое время они молчали.

Наконец Сергей тихо сказал:

— Вы устали.

Елизавета удивленно подняла на него глаза.

— Неужели это настолько заметно?

На его губах появилась едва уловимая улыбка.

— Только человеку, который чувствует то же самое.

Она ответила ему такой же тихой улыбкой.

— Значит, и вам здесь нелегко?

— Иногда мне кажется, что весь этот блеск существует лишь затем, чтобы люди перестали замечать друг друга.

Елизавета задумчиво посмотрела на кружащиеся пары.

— Сегодня днем все было совсем иначе.

— Потому что днем вы были счастливы.

Она не сразу нашла ответ. Ее взгляд медленно скользнул по залу, задержавшись сначала на смеющейся Ксении, затем на государыне, беседовавшей с французским послом, и, наконец, на отце, окруженном министрами.

— Днем я была собой.

Сергей внимательно посмотрел на нее.

— А сейчас?

Лизет едва заметно пожала плечами.

— Сейчас я дочь министра.

Эти слова прозвучали почти шепотом.

Сергей ничего не ответил.

Ему показалось, что за этой короткой фразой скрывалось гораздо больше, чем она решилась произнести вслух, и потому он не стал нарушать молчание, понимая его лучше любых объяснений.

Музыка постепенно подходила к концу. Сделав последний круг и плавно завершая танец, Елизавета впервые за весь вечер искренне рассмеялась, когда Сергей, бросив взгляд на особенно важного сановника, совершенно серьезным тоном прошептал:

— Боюсь, если этот господин станет еще серьезнее, ему придется назначить отдельного человека, который будет улыбаться за него.

Она не смогла сдержаться.

Ее смех прозвучал совсем тихо, но так искренне, что в одно мгновение преобразил лицо.

Именно в эту секунду Петр увидел их.

Стоя у противоположной колонны рядом с наследником Николаем и несколькими офицерами, он до этого наблюдал за танцующими почти машинально, однако теперь его взгляд

остановился. Он видел не сам танец, не безукоризненные движения и не блеск бального зала.

Он видел улыбку Елизаветы.

Так она никогда не улыбалась ему.

Петр не сразу отвел взгляд.

Он вовсе не ревновал. Это чувство было ему незнакомо и, как он сам привык думать, совершенно недостойно человека его положения. Однако в ту минуту он впервые ясно осознал, что существует улыбка, которую невозможно заслужить ни титулом, ни происхождением, ни самым безупречным воспитанием. Она рождается сама собой, и потому тем ценнее для того, кому бывает подарена.

Музыка смолкла.

Сергей проводил Елизавету к кругу придворных дам и, почтительно поклонившись, уже собирался отойти, когда рядом появилась Ксения.

— Сергей Павлович, — с самым серьезным видом произнесла она, — вынуждена сделать вам замечание.

Он удивленно посмотрел на княжну.

— Мне следует заранее просить прощения?

— Пока еще нет. Но, признаться, вы заставили меня всерьез задуматься.

— Над чем же?

Ксения выразительно перевела взгляд с него на Лизет и вновь посмотрела на графа.

— Над тем, что вы, кажется, окончательно лишили мою

подругу возможности скучать на придворных балах.

Елизавета смущенно покачала головой.

— Ксения...

— Что «Ксения»? Разве я сказала неправду?

Сергей тихо рассмеялся.

— Если это действительно так, то, признаюсь, для меня подобная честь гораздо ценнее любого комплимента.

— Вот видишь? — победно произнесла великая княжна, обращаясь к Лизет. — Даже граф не спорит со мной.

— Потому что спорить с вами невозможно, Ваше Императорское Высочество.

— Наконец-то появился человек, который это понял.

Она торжествующе подняла голову, однако уже через мгновение лукавая улыбка вновь заиграла на ее лице.

— Впрочем, не обольщайтесь. Я еще не решила, одобряю ли вашу дружбу.

Сергей почтительно поклонился.

— В таком случае мне остается лишь надеяться заслужить ваше расположение.

— Это будет непросто.

— Я готов проявить терпение.

Ксения одобрительно кивнула.

— Терпение вообще редкое качество, особенно среди молодых людей.

— К счастью, меня с детства учили именно ему.

— Тогда, пожалуй, у вас есть надежда.

Все трое невольно рассмеялись.

Их разговор был самым обыкновенным, полным легких шуток и безобидных острот, однако со стороны он выглядел удивительно естественным. Не было в нем ни натянуто-сти, ни привычной придворной учтивости, которой так часто прикрывали равнодушие. Они разговаривали так, как разговаривают люди, которым действительно хорошо рядом друг с другом.

Именно это первым заметил государь.

Александр Александрович, беседовавший с военным министром, ненадолго отвлекся и, скользнув взглядом по залу, остановился на небольшой компании молодых людей. Несколько секунд он молча наблюдал за ними, после чего с едва заметной улыбкой повернулся к императрице.

— Посмотри, Маша.

Мария Федоровна проследила за его взглядом.

— Что именно?

— Как быстро дети становятся взрослыми.

Императрица некоторое время молчала.

Потом ее лицо озарила тихая, почти задумчивая улыбка.

Лизет уже собиралась сделать шаг к матери, когда рядом раздался спокойный голос:

— Елизавета Алексеевна.

Оба обернулись.

Перед ними остановился великий князь Петр: высокий, безукоризненно одетый, с той невозмутимой уверенностью,

которая была свойственна людям, никогда не знавшим отказа. Поклонившись сначала Лизет, затем Сергею, он сохранил безукоризненную учтивость, и именно поэтому возникшее между ними напряжение ощущалось еще сильнее.

— Позвольте пригласить вас на следующий вальс?

Лизет почувствовала, как сердце невольно сжалось. Отказать великому князю было невозможно.

Она сделала реверанс.

— Для меня это честь, Ваше Императорское Высочество.

Петр протянул ей руку, но, прежде чем она успела ее принять, перевел взгляд на Сергея. Это длилось всего одно короткое мгновение.

— Благодарю вас, граф. Полагаю, теперь настала моя очередь.

Сергей спокойно выдержал его взгляд.

— Разумеется, Ваше Императорское Высочество.

Он произнес эти слова совершенно ровно. На его лице не дрогнул ни один мускул, однако Лизет вдруг почувствовала себя так, словно между двумя мужчинами натянулась невидимая струна.

Петр увел ее в круг танцующих.

Некоторое время они двигались молча. Великий князь вел безукоризненно: уверенно, твердо и вместе с тем настолько спокойно, что не оставлял ей ни малейшей возможности ошибиться.

— Сегодня вы удивили весь двор, — наконец произнес он.

— Мне кажется, завтра об этом уже забудут.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Я не забуду.

Лизет опустила взгляд.

— Это всего лишь стрельба.

— Я говорю не о стрельбе.

Она ничего не ответила.

Музыка постепенно становилась медленнее, пары плавно кружились по залу, а Петр после недолгой паузы вновь заговорил:

— До сегодняшнего дня мне казалось, что я знаю вас. Теперь же понимаю, что видел лишь ту Елизавету Алексеевну, которую вы позволяли видеть окружающим.

Лизет спокойно встретила его взгляд.

— В каждом человеке есть часть, принадлежащая только ему самому.

— Мне хотелось бы однажды узнать и ее.

На ее лице не было ни кокетства, ни смущения. Лишь спокойная внутренняя твердость, с которой она тихо ответила:

— Боюсь, это невозможно, Ваше Императорское Высочество.

Он едва заметно нахмурился.

— Отчего же?

— Потому что душу нельзя получить по праву рождения. Даже будучи великим князем.

На одно короткое мгновение Петр замолчал.

Впервые за весь вечер Лизет увидела в его глазах не спокойную уверенность, а искреннее удивление. Ему еще никогда не отвечали подобным образом: не грубо, не дерзко, а так спокойно и твердо, что возразить было попросту невозможно.

Когда музыка закончилась, великий князь проводил ее до круга придворных дам.

Не успела Лизет сделать и нескольких шагов, как до нее донеслись приглушенные голоса:

— Вы видели, как великий князь смотрит на дочь министра?

— Кажется, все уже решено.

— Для Алексея Николаевича лучшей партии и желать нельзя.

— Государыня, говорят, весьма благосклонно относится к этой мысли.

Елизавета невольно замедлила шаг.

Каждое слово отзывалось в груди странной тяжестью. Ее судьбу обсуждали так, словно она уже перестала принадлежать ей самой, и от этой мысли роскошный зал вдруг показался удивительно тесным, а воздуха стало не хватать.

Ее судьбу обсуждали так, словно она уже перестала принадлежать ей самой.

В этот миг роскошный зал вдруг показался Елизавете удивительно тесным, а воздуха стало не хватать. Медленно подняв голову, она нашла взглядом высокие стеклянные две-

ри, ведущие на балкон, и, извинившись перед матерью едва заметным кивком, почти незаметно вышла в прохладную июньскую ночь.

Музыка продолжала звучать за высокими дверями балльного зала, но здесь, на просторном мраморном балконе, она казалась далекой, словно доносилась из какого-то другого мира.

Ночь выдалась удивительно теплой. Над парком медленно поднималась луна, серебряным светом ложась на верхушки лип и неподвижную гладь пруда, где всего несколько часов назад звучали смех, плеск весел и веселые голоса молодежи. Теперь же аллеи почти скрылись во мраке, и лишь редкие фонари обозначали дорожки, по которым днем беззаботно бегала София.

Сняв длинную перчатку, Елизавета положила ладонь на холодный мрамор балюстрады. Ей казалось, что только здесь она наконец может вдохнуть полной грудью.

За ее спиной вновь распахнулись двери.

Она не обернулась.

Шаги были слишком знакомыми.

Ксения подошла почти неслышно и остановилась рядом. Некоторое время они молчали, как молчат люди, которым не нужно объяснять друг другу свое настроение, а легкий ветер осторожно касался их платьев, принося с собой тонкий аромат ночных цветов.

— Я знала, что найду тебя здесь, — наконец сказала Ве-

ликакая княжна.

Лизет улыбнулась, не отрывая взгляда от темного парка.

— Это настолько заметно?

— Только мне.

Она тоже облокотилась на балюстраду.

Из зала донеслись первые аккорды нового вальса.

— Красиво, правда?

Елизавета тихо кивнула.

— Очень.

— И все же ты убежала.

Лизет долго не отвечала. Она смотрела вниз, туда, где белые дорожки парка терялись среди темных деревьев.

— Мне вдруг стало трудно дышать.

Ксения не удивилась, словно слышала именно то, чего ожидала.

— Помнишь, как сегодня утром мы сидели у окна?

Елизавета печально улыбнулась.

— Кажется, это закончилось слишком быстро.

Ксения опустила голову. Впервые за весь день в ее лице не осталось ни привычного озорства, ни легкости. Теперь перед Лизет стояла совсем другая девушка, неожиданно взрослая и серьезная.

— Нет, Лизет. Это не закончилось. Это просто был короткий подарок. Подарок, который нам позволяют получать всего несколько дней в году.

Она ненадолго замолчала, а затем, обведя взглядом свер-

кающие окна дворца, тихо продолжила:

— Остальное время мы снова становимся теми, кем должны быть.

— А разве это плохо?

Ксения едва заметно усмехнулась.

— Нет. Просто иногда очень устаешь быть великой княжной.

Елизавета внимательно посмотрела на подругу.

За годы дружбы она привыкла видеть в ней неиссякаемый источник смеха, бесконечных выдумок и веселых затей. Казалось, Ксения умела превращать в праздник любой день, но сейчас рядом с ней стояла совсем другая девушка, ту сторону которой почти никто никогда не видел.

— Иногда я завидую тебе, — неожиданно сказала Ксения.

Елизавета даже растерялась.

— Мне? Но чему же здесь завидовать?

Ксения улыбнулась, и в этой улыбке было столько светлой грусти, что у Лизет невольно защемило сердце.

— Однажды ты выйдешь замуж. У тебя будет свой дом, своя семья, свои дети. Ты сможешь уехать туда, куда позовет тебя жизнь.

Она на мгновение замолчала.

— Может быть, в Петербург. Может быть, в Москву. Может быть, в маленькое имение где-нибудь на юге. А может быть, вообще за тысячи верст отсюда.

Ксения перевела взгляд на темный парк.

— Но ты сможешь уехать.

Лизет тихо покачала головой.

— Не все так просто.

— Нет. Гораздо проще, чем у нас.

Ксения подняла глаза к темному небу.

— Мы рождаемся не для себя. Сначала принадлежим семье, потом государству, а потом тому, за кого нас сочтут нужным выдать замуж.

Она произнесла это спокойно, без обиды, словно говорила о чем-то давно принятом и неизбежном. Именно поэтому ее слова прозвучали так тяжело.

— Ты хотя бы сможешь выбирать.

Лизет осторожно взяла ее за руку.

— Душа моя...

Та крепко переплела свои пальцы с ее пальцами и впервые за весь вечер посмотрела ей прямо в глаза.

— Пообещай мне одну вещь.

— Какую?

— Если однажды ты полюбишь... не позволяй никому решить за тебя. Ни родным. Ни обществу. Ни самому императору. Выбирай только сердцем.

Она замолчала, словно не решаясь договорить.

— Потому что...

Это была первая пауза за весь их разговор.

— Потому что есть клетки, из которых нельзя выйти.

Лизет почувствовала, как пальцы подруги едва заметно

дрогнули.

Ксения медленно перевела взгляд на освещенные окна дворца. За ними по-прежнему играл оркестр, кружились пары, сверкали бриллианты и жила своей торжественной жизнью огромная империя.

— Посмотри, какая она красивая, — тихо сказала она.

— Да.

— Иногда мне кажется, что люди видят только это: белый мрамор, позолоту, хрусталь, императорскую корону...

На ее губах появилась грустная улыбка.

— А я каждый день вижу решетку.

Лизет ничего не ответила.

— Ты можешь однажды уехать отсюда. Построить свой дом, просыпаться рядом с человеком, которого выберешь сама, состариться там, где будет спокойно твоему сердцу.

Ксения провела ладонью по холодному мрамору балюстрады.

— А я, наверное, всю жизнь проживу здесь. И если Господу будет угодно, отсюда же однажды уйду в последний путь.

Над балконом повисло долгое молчание.

Лизет лишь крепче сжала руку подруги.

Внизу тихо шумели липы, а из распахнутых дверей вновь донеслись звуки вальса. И вдруг Елизавете показалось, что музыка, еще совсем недавно казавшаяся такой прекрасной, теперь звучит совсем иначе: не как приглашение к танцу, а как песня золотой клетки, двери которой закрываются бес-

ШУМНО.

*Золотая клетка светла и тиха,
Только сердце не знает покоя.
Ведь свобода рождается не в стенах дворца,
А там, где душа остается собою.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.